

всепутная история в романах

Юрий ТОРЧУБАРОВ

ОХОТА ЗА ЧАШЕЙ ГРААЛЯ

Всемирная история в романах

Юрий Торубаров

Охота за Чашей Грааля

«ВЕЧЕ»

2018

Торубаров Ю. Д.

Охота за Чашей Грааля / Ю. Д. Торубаров — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-7776-8

XIV век. Мамай идёт в поход на Русь, сговорившись с великим князем Литовским Ягайло, который обещал татарам военную помощь. В предвкушении своей победы союзники даже успели условиться, как поделят Северную Русь. Но не суждено было войскам Ягайло вовремя попасть на поле боя — Куликово поле. Как ни хотел Ягайло успеть, ему это не удалось. Кому же, по мнению писателя-историка Юрия Торубарова, знаменитый князь Дмитрий Донской обязан победой над Мамаем? «Охота за Чашей Грааля» является продолжением книги «Западный поход», ранее опубликованной в этой же серии и рассказывающей о появлении в России славного боярского рода Кобылиных, потомки которого оставят заметнейший след в русской истории, но уже под другой фамилией — Романовы.

ISBN 978-5-4484-7776-8

© Торубаров Ю. Д., 2018
© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Об авторе	6
Действующие лица	8
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	47
Глава 10	53
Глава 11	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юрий Дмитриевич Торубаров

Охота за Чашей Грааля

Юрий Дмитриевич Торубаров

Об авторе

Современный писатель-историк Юрий Дмитриевич Торубаров родился в городе Барабинске Новосибирской области в семье железнодорожников. По долгу службы семья Юрия часто переезжала с места на место. Из Барабинска перебрались в Новосибирск, потом отца перевели под Кемерово работать на крупнейшем местном железнодорожном узле Топки. Здесь, в Топках, его семью и застала война. Отец вскоре ушел на фронт. Воевал он в железнодорожных частях, держал в рабочем состоянии один из участков Дороги жизни для осажденного Ленинграда.

В Топках Юрий пошел в школу. Мальчик много читал, любимым его уроком стала история. Но своим увлечением Торубаров обязан не столько книгам, сколько преподавателю истории Е.И. Гакову. Это был настоящий энтузиаст своего дела, на его уроках никогда не было скучно. Всем своим ученикам Гаков сумел привить глубокую любовь к родной земле, к прошлому нашего Отечества.

После окончания средней школы Юрий планировал поступить в Московский историко-архивный институт, но обстоятельства сложились так, что ехать далеко не пришлось, Торубаров поступил в Кемеровский горный институт. Получив диплом горного инженера, был направлен в шахтерский город Междуреченск, недавно образованный на юге Кузбасса. Здесь молодой специалист прошел весь трудовой путь горняка – от должности горного мастера в шахте до начальника большого угольного участка.

Карьера стремительно шла в гору, но тяга к истории не пропадала. Оказавшись по долгу службы в Калуге, Торубаров случайно увидел местную карту, где на юге области заметил одно до боли знакомое название – Козельск. И тотчас в памяти всплыл давний урок истории, где Ефим Игнатьевич Гаков весьма эмоционально рассказывал о подвиге жителей этого города. «Еще тогда, в школе, – вспоминает писатель, – для меня Козельск стал иметь какое-то особое значение. Возникло непреодолимое желание побывать на этом героическом клочке нашей земли. Я задержался и на следующий день поехал туда. Трудно передать, какой душевный трепет вызвала во мне короткая надпись на въезде в город: Козельск. Я даже не верил, что попал сюда. Пока я гулял по его улицам, в моей голове созрел план первого романа. Вернувшись к себе, в Сибирь, я засел писать этот роман. Я еще не раз побывал в Козельске, посещал библиотеки, собирал материал».

Роман был закончен в 1991 году и принят Воениздатом. Но тут завертелось неумолимое колесо истории. Полным ходом шла приватизация, а публикация все оттягивалась и затягивалась, пока наконец, после ряда внутренних споров и разбирательств, это издательство не перестало существовать. Узнав об этом, писатель слегка отчаялся, но решил попробовать предложить рукопись в другое издательство. Своей несомненной удачей Юрий Торубаров считает встречу с Д.С. Федотовым, редактором издательства «Вече». Роман был принят к публикации и в 2007 году увидел свет. Доброжелательное и чуткое отношение опытного редактора буквально окрылило писателя, и он снова взялся за перо. Вслед за романом о героической судьбе Козельска последовало продолжение – «Мечь Аскольда», события которого развиваются после захвата Козельска татаро-монголами. Некоторым защитникам города все же удалось спастись и укрыться в непроходимых лесах. Аскольд, сын погибшего воеводы Сечи, начинает жестокую партизанскую войну...

Писатель потратил два года на написание этого романа. Но история борьбы русичей против Золотой Орды не отпускала. Еще через год вышел третий роман, посвященный этой теме, – «Таинственный двойник», книга, которую сам писатель на сегодняшний день считает лучшей в своем творчестве. В поисках материала для своих произведений Торубаров много путешествует – Великий Новгород, Суздаль, Можайск, посещает церкви, монастыри, музеи, местные

библиотеки. Результатом этих поездок и визитов стали два совершенно новых, не похожих на предыдущие, романа – «Иван Калита» и «Офицерская честь». Первый повествует о «собирателе земель русских» Иване I, действие второго происходит во времена Наполеона Бонапарта. Юрий Торубаров продолжает активно работать. В ближайших планах писателя книга об Иване III и публикация трех уже готовых романов о Василии Донском – сыне князя Дмитрия, Симеоне Гордом – сыне Ивана Калиты, и о далеких предках будущей династии Романовых.

Избранная библиография Юрия Торубарова:

«Тайна могильного креста» (2007)

«Месть Аскольда» (2009)

«Таинственный двойник» (2010)

«Офицерская честь» (2011)

«Иван Калита» (2011)

Действующие лица

Лагет – купец Литвы
Олгерд – великий князь Литвы
Вингольт Андрей – князь полоцкий
Кейстут – князь Литвы, брат Олгерда
Витовт – великий князь Литвы
Гедимин – великий князь Литвы
Ягайло – великий князь Литвы, король Польши
Иоанн – великий московский князь
Дмитрий – великий московский князь, сын Иоанна
Василий – старший сын великого московского князя Дмитрия
Андрей Пожарский – князь
Василий Пожарский – сын князя Пожарского
Дарья – жена Пожарского
Олег – князь рязанский
Андрей Кобыла (Камбила) – боярин
Федор Кошка – сын Андрея Кобылы
Руссинген – брат Кобылы
Девон – отец Камбилы (Кобыла)
Осляби – бояре
Роман Ослябя – боярин
Пересвет – брянский боярин
Иван Вельяминов – боярин
Игнатий Елферьев – купец
Федор – воевода
Иван – воевода
Михаил – тверский князь
Пимен – митрополит
Алексий – митрополит
Сергий преподобный – игумен
Митяй – священник
Роберт де Буа – французский граф
Бланка де Кремен – сестра графа де Буа
Изабелла де Буа – жена графа де Буа
Сен-Поль – французский граф
Суассон – французский граф
Карл – регент Франции
Жизо – аббат, лекарь
Черный принц – английский принц
Чанибек – хан Орды
Бердибек – сын Чанибека
Бельдибек Зарухота – татарский мурза
Тохтамыш – ордынский хан
Мамай – ордынский хан
Конрад фон Вернер – граф, рыцарь Тевтонского ордена
Эренфрид – рыцарь Тевтонского ордена
Молэ – великий магистр

Вольф – рыцарь

Обно – тайный посланник тевтонцев

Глава 1

Осень. Пробежали ее золотые деньки, и она уже не радует глаз разноцветными красками. А наоборот. Сбросив убор, наготой обнажила все свои уродливые места. И грустно становится, глядя на все это. Даже солнце и то стремится поскорее спрятаться за тучу, чтобы не видеть этой отталкивающей наготы. К грусти добавляется еще и уныние, которое несет мелкий, назойливый дождь, заставляя все живое забиваться по разным щелям, только чтобы уберечь себя от этой неприятной мокроты.

Тем удивительнее видеть, как по дороге, наполовину превращенной в лужи, едет какой-то одинокий всадник. У многих его вид вызывает жалость, подогреваемый интересом: кто он, куда и зачем едет в такую погоду, когда добрый хозяин собаку не выгонит. Одет он в дождевик с башлыком да сапоги, носки которых торчат из-под монашеской рясы. За спиной притороченные к седлу колчан с луком да увесистая бильдюга. Слышал, видать, седок, что с затянувшейся болезнью великого князя на дорогах стали пошаливать лихие люди. Да что его дубина против меча! Эх, мил-человек, аль жизнь тебе не дорога!

Да нет, спокойно его заросшее лицо, выглядывающее из-под башлыка. Конь под ним рослый, с крепкими костями, не заезжен. Такой и двести верст спокойно пройдет. И сейчас идет иноходью, легко вытаскивая копыта из дорожной жижи. И вдруг голова его приподнялась, ушки задвигались. Седок понял, в чем дело. И он уловил запах дымка. Тот тянул из ельника, резко встававшего на смену березовой роще.

Не все знали, что это было любимое княжеское место, куда он приезжал пострелять пудовых глухарей да косачей, которые здесь водились тучами. За последнее время поговаривали, что сюда стал наведываться молодой десятилетний княжич. Большим его счастьем и гордостью было зайти в поварню и, отвязав от пояса добычу, небрежно бросить кухарке: «Свари-ка князю похлебку!» – и подать увесистую птицу.

Неведомым для истории останется событие, которое произойдет здесь, главным же участником, не ведая этого, станет этот всадник. А начало этому было положено еще в Орде. Вернее сказать, в Вильно. Вся заварушка началась после возвращения из Московии известного литовского купца Лагета.

Олгерд, отбросив все дела, принял его сразу, когда ему доложили о его появлении. Еще бы! Он знал, что тот ездил торговать ни куда-нибудь, а в Московию, которая у князя была на особом счету. Он и боялся ее, и ненавидел, и желал ей всего, что может пожелать скрытый враг своему сопернику. А главное, он очень желал ее развала. Это бы позволило ему оторвать кусок пожирнее. А может, забрать под свой стяг и всю землицу.

После обычных приветствий и вопросов: как тот съездил, князь, не мигающе глядя на купца, спросил:

– Ну, что нового при княжьем дворе?

– Болен князь, – ответил купец.

Этот ответ оживил лицо князя:

– Мы тоже побаливаем и что из этого.

– Давно болен. Люд поговаривает, что дела пошли худо.

Такой ответ заинтересовал князя. Глаза его заблестели.

– Опасно болен? – спросил он.

– Да, поговаривают, вряд ли выберется.

– Так, так! – ни к кому не обращаясь, проговорил князь, заканчивая на этом прием.

Не успела за гостем закрыться дверь, как он приказал найти старшего сына Вингольта Андрея, князя полоцкого, в эти дни проживающего в Вильно. Он недолюбливал его. Сын казался ему вяловатым, не инициативным. И вот пришел момент проверить его. Вингольта

разыскали быстро. Срочный вызов к отцу несколько удивил сына. Что это могло быть? Но подумал, что он все же старший, может быть, что-то хочет намекнуть, пока он здесь, насчет его будущего.

Легко стукнув в дверь, он открыл ее и, переступив порог, произнес:

– Звал, великий князь?

Тот вместо ответа указал ему на кресло, стоящее рядом с его столом. Когда сын сел, Олгерд, наоборот, поднялся. Сделав несколько шагов, он остановился и, опершись на стол, заявил:

– Мне стало известно, что московский князь Иоанн сильно прибалывает, – сказав, он оттолкнулся от стола и стал ходить по кабинету.

Вингольт начинал догадываться, что отец хочет напасть на Московию, чувствуя подходящий момент. Но отцу в прозорливости было не отказать. Он внезапно остановился напротив сына.

– Я нападать на Московию, один, не собираюсь... – сказав, он опять заходил, приставив кулак к губам, словно захотел им заткнуть рот, чтобы не сказать лишнего. Убрав руку, он заговорил: – Я позвал тебя за тем, чтобы объявить, что ты срочно, тайно, едешь в Орду.

От этих слов Вингольт даже приподнялся. Наверное, он хотел возразить. Но отец глянул на него так, что тот невольно опустил плечи.

– Встретишься там с Чанибеком, – голос отца строг и категоричен, – и предложишь ему совместный поход на Московию, пока там немощный князь. Да постарайся на этот раз уговорить его. Тебе день на сборы. Сопровождать тебя будут мои люди.

«Не доверяет», – подумал сын, но отказываться не стал, зная крутой нрав отца. Он поднялся:

– Я пойду готовиться.

– Иди, – сказал отец и, вдруг взяв его за руку, сказал: – Еще раз говорю: никто, слышишь, никто не должен об этом знать. Даже твоя жена. Ей можешь сказать, едешь на переговоры в Магдебург.

Сын, конечно, понял отца.

Внезапное появление литовского посланца в Орде вызвало двойной переполох. Бельдибек, Зарухота и другие ненавистники хана, узнав, с чем тот пожаловал, воспламенились желанием объединиться и ударить по этой зажавшейся Московии. Но вот хан опять был совсем другого мнения. Чувство уважения к Московии у него не остыло. Как ни резко вели себя сын, Зарухожа и другие вельможи, хана сломить не удалось. Литовцам пришлось убираться несолоно хлебавши. Вингольт ехал сумрачным. Этот провал переговоров, как понимал он, еще дальше отделит его от отца и, естественно, от возможности в будущем занять его место.

Бердибек был взбешен:

– Ни Московия под нами, а мы под ней, – говаривал он друзьям.

Нашлись и те, кто ловко подлил масла в огонь, высказав невероятную чушь, в которую поверил воспаленный мозг сына. А эта «чушь» была в следующем: «Тебя, Бердибек, хан не хочет видеть на троне. Он любит твоего сына, своего внука, Кулпою, и его хочет возвести в ханы». Всю ночь в голове Бердибека, мешая ему заснуть, звенели эти слова. Он даже подумал лишиться своего сына жизни. Но вовремя опомнился: «Если я это сделаю, отец прикажет разорвать меня лошадьми».

Выход был один. Под утро, когда даже стража и та порой теряет бдительность, в ханский шатер кто-то проскользнул. Чанибек спал на спине, разбросав руки и подставляя сердце для коварного удара. И он случился!

Весть о том, что не стало Чанибека, быстро долетела до Московии и Литвы. Но если больному Иоанну Иоанновичу от этой вести стало еще хуже, то в Литве это сообщение вызвало холодную улыбку на устах великого князя, ронив в тот же час новую идею. Ехать вновь к тата-

рам он не захотел, а приказал вызвать к себе молодого Драйнаса. В свое время князь спас его от разорения и долговой ямы. Тот оказался благодарным человеком и стал служить Олгерду верой и правдой. Вскоре князь заметил такое старание и стал поручать ему щекотливые дела, которые он исполнял превосходно. Еще одна черта, понравившаяся князю, это его молчаливость. Олгерд убедился, что тот никому ничего не рассказывает. А это было очень важно.

Но прежде, чем вызвать Драйнаса к себе, он пригласил Лагета и узнал у него, что за семья у Иоанна.

– Старший сын Дмитрий. Уже сейчас проявляет твердость характера, смелость. Не боится один ездить на охоту.

– В десять-то лет? – подивился Олгерд.

– Да, – подтвердил купец и продолжил: – Второй сын, Иван, пяти лет. Говорят плаксун. И маленький племянник.

Когда купец шел от князя к себе домой, он всю дорогу думал, зачем это понадобилось великому князю. Но так ни до чего не додумался и посчитал каким-то княжеским капризом.

Молодой же Драйнас получил четкое указание:

– Ты едешь в Московию один. Если спросит кто, скажешь – новгородец. Спросят, где живешь, ответишь: на Плотенском конце, улица Ригашица у Борисоглебской церкви. Звать ты Федором Заступой.

Слушая своего князя, Драйнас был удивлен: «Надо же, так все продумать!» А князь продолжал:

– Приедешь в Москву, оглядись. Подбери несколько человек, готовых за золотую монету горло порвать любому. Проведай осторожно. Я знаю, что княжич Дмитрий, еще совсем дитяtko, любит охотиться. Узнаешь где. Там выследишь и... сделаешь так, чтобы никто, слышишь, никто не догадался, а погиб якобы он сам. Не то в росщелине застрял. Не то на сук, падая, напоролся.

Тут князь невольно вспомнил давнишний разговор с магистром. И как ловко тот убрал старшего Симеонова сына, что никто до сих пор не разгадал этой тайны. Остается только завидовать: умеют же...

– Так, значит, моя цель – княжич? – спросил Драйнас.

– Да! Не будет его, на Московии многие потянутся на княжье место. А там, где ссора, там драка. А где драка...

– Там и княжество может рухнуть! – проговорил за князя Драйнас.

– Молодец! – Князь потрепал его по плечу. – Для этого понадобятся деньги. – Он выдвинул из стола ящичек и достал мешочек. Подбросив его пару раз, он кинул со словами: – Держи. Не шикуй, не привлекай к себе внимания. Понял? Хочу тебя предупредить: с этой тайной ты будешь жить не хуже князя. Но, если она... – Князь посмотрел на Драйнаса.

Тот опять ответил за Олгерда:

– Тому не жить!

Князь закивал головой.

– И вот еще! – Из другого ящичка он достал маленький узелочек и подал его Драйнасу. – А это, – проговорил он, – когда все сделаешь, угости своих помощников, а в бражку высыпи это, – он показал на узелочек, – только сам не вздумай пить. – Подумав, князь сказал: – Свидетели нам не нужны!

Новгородца Федьку Заступа Московия приняла хорошо. Деньга, хоть небольшая, у него водилась. Был не жаден. Но не дай бог его обидеть. Здоров был детина. Если хряснет, надолго запомнится. Побаивались его, но... липли. Кому не охота задором пожрать да попить.

Часто слонялся по рынку. Работенку искал. То одному купчине поможет, то другому. Бывали случаи, в кремль посылали отнести полмешка муки, аль круп каких. Встречал пару раз Дмитрия. Князь верно говорил: на охоту ездит. Нашел того, кто знает заветные княжьи места.

Брага помогла. И вот, собрав небольшую банду, объявил им, что каждый заработает по паре золотых, если поможет ему выколотить долг с одного купчины. А для этого его надо споймать на дороге. Купца потрясти! Да кто против! Да еще золотых заполучить.

И вот этот еловник. Выбрали погуще место, вырыли землянку. Даже печурку соорудили. Лосенок подвернулся. Мяса – ешь не хочу. На улице-то стыть, а в землянке благодать! Вылезать не охота. Разве по нужде, аль дровишек подсобрать. Так прошло несколько дней. Федьке ждать надоело. Стал посылать следить за дорогой. Но там какой день даже заяц не бегают. И наконец-то в землянку ворвался очередной страж с криком:

– Едять!

– Кто едять? – пытается его Федька.

Тот только пожимает плечами:

– Мужик какой-то.

– Ладноть, пошли! – решает Федор и берет лук и колчан. На всякий случай.

Приблизившись к дороге, Федор схоронился за ель и оттуда увидел всадника.

– Лошадка-то у того хороша! – восхищается Федор. – Ссадите-ка его! – И он махнул своим парням.

Те и рады стараться. Не успел всадник с ними поровняться, как те высыпали на дорогу.

– Стой! – Один из них, преграждая путь, поднял руку.

Всадник натянул поводья.

– Тррр! – остановил он коня.

– Слазь! Приехал! – крикнул тот, кто преградил путь.

Но всадник качает головой:

– Мне в Савво-Сторожевский монастырь.

– Пешочком дойдешь! – ехидничает кто-то.

– Да вы че, ребята! – возразил всадник, не собираясь покидать седло.

– Ну! – грозно крикнул предводитель, отбрасывая полу и вытаскивая из-за пояса топор.

Его дружки последовали его примеру.

Всадник нехотя вытащил ногу из стремя, медленно перенес ее через круп коня и опустился на землю, не выпуская из рук уздечку. И сделал пару шагов им навстречу. Он оказался высоким, с широченными плечами мужиком. Даже его вид внушал страх. Но кто подаст вида.

– Дай сюды! – Предводитель попробовал вырвать уздечку.

Но мужик перехватил его руку и сжал с такой силой, что слышно было, как затрещали кости. Предводитель завопив: «Ой, ой!», опустился на землю. Двое было ринулись на мужика. Но он, опередив их, схватил за шиворот и поднял в воздух. Те беспомощно заболтали ногами.

– Пусти! Ааа!

Но он с такой силой сдвинул их головами, что те повисли в его руках. Мужик отбросил их в стороны. Четвертый, как заяц, сиганул в лес.

И тут в грудь мужика что-то ударило и, упершись в кольчугу, упало на землю. То была стрела. В два прыжка он подскочил к коню, выхватил стрелу и лук. Качнувшаяся еловая ветвь показала, где прячется стрелок. На вскид, не целясь, мужик яростно натянул тетиву. Стрела запела и... Бедный Драйнас! Зачем ты это сделал? Не принеся мужику никакого вреда, а получил стрелу, которая пронзила ему горло, сломала шейный позвонок и пригвоздила его тело к толстому стволу ели. Он захрапел, ноги ослабли, и он, зацепившись воротом за сучок, так и остался пригвожденным к дереву. Мужик спокойно посмотрел по сторонам, поправил на конской спине мешок с овсом и воткнул ногу в стремя. Еще раз глянул в сторону той ели, откуда получил стрелу, оттолкнулся от земли и оседлал коня. Идти смотреть, кто это и что с ним стало, не было никакого желания. Засунув руку за пазуху, он вытащил письмо, которое вез от игумена Сергия владыке Савво-Сторожевского монастыря. В нем он увидел дырку. Покачал головой и спрятал вновь.

Пришедшие в себя помощники Федора, увидели его. Им показалось, что тот стоит.

– Эй, Федор! – позвал предводитель.

Но тот не откликнулся.

– Федор, – во все горло еще раз проревел предводитель.

Если лес ответил эхом, то Федор по-прежнему молчал.

– Да че ен? – возмутился тот и направился к нему.

Схватив его за руку, он почувствовал ее холод.

– Ааа! – завопил он. – Федька-то тово... мертвец!

Подскочили остальные. Кто-то отвел ветку, и они увидели торчащую из горла стрелу.

Вот так, сам того не подозревая, мужик своим выстрелом направил ход истории в то русло, которое в последствии принесло Руси освобождение и единение.

Ну а эти наемники, даже не сняв своего недавнего хозяина с сучка, обыскав его, забрали деньги и узелочек. Монеты поделили, а предводитель, развязав его, попробовал на язык.

– На мед похожа! – заявил тот.

Потянулись к мешочку и остальные.

– Дай-ка я, дай-ка я... – Так и облизали мешочек.

Ни один из них в Москву не вернулся.

А мужик дальше без всяких приключений добрался до монастыря. Игумен, узнав, кто к нему приехал, встретил Сергиева посланца с добрым сердцем, окружив его заботой и вниманием. Приняв письмо, дивился на дырку. Поднял глаза на инока.

– След от разбойничьей стрелы.

Игумен вздохнул:

– Калита железной рукой их вывел. А ноне... болезнь князя сказывается.

Пробежав глазами послание, отложил его в сторону:

– Слава Господу, – он осенил себя крестом, – что жив остался.

И взялся за гостя. Прежде всего, велел топить баньку, чтобы инок мог прогреть косточки и смыть хвори, которые так и липнут к человеку в такую погоду. После этого в едалне его угостили скромным монастырским обедом, налили и своего монастырского вина из ягод, в изобилии произрастающих в сих местах.

После этого игумен и приехавший инок уединились для беседы. Владыка много слышал о Троицком монастыре, и было интересно, что называется, из «первых уст» узнать о таможных порядках.

– Инок Александр, – заговорил игумен, – как вы там живете, служите? Давно ты там? – спросил владыка.

Игумен был уже не молод, в его бороде седина так и светилась. Грузен телом, отчего имел солидный вид.

– Постригся я недавно, взял свое имя Александр, – начал повествование инок.

Но тотчас получил от владыки вопрос:

– Ты... боярин?

– Боярином... был. Сейчас инок.

– А что заставило? – спросил владыка, поправляя на груди крест.

Инок отвечать стал не сразу. Пятерней пробежался по волосам, открывая высокий лоб с ровными полосами, глубоко прорезавших кожу. Потом, сдвинув брови, ответил:

– Сердце, – сказав, замолчал.

Владыка больше не спрашивал, а просто глядел на него в ожидании, что же скажет он еще. Глядел, а сам думал: «А что к этому добавить?» Не выдержал, заговорил:

– Вижу, шел ты к этому нелегким путем. Но коль пришел, верным слугой Божьим будешь.

Инок поднял на него глаза. Они были чисты, как родниковая вода. И в них светилась радость. Улыбнулся владыка:

– Суровость нашей жизни не пугает? – спросил он, скосив на него глаза.

– Нет, владыка. Я ведь знал, на что шел. Преподобный отец наш мне сказал: «Знай прежде всего, что место это голодное и бедное, готовься не к пище сытной, не к питью...» – При этих словах игумен крикнул, последние слова чуть укололи владыку. Но инок, не заметив этого, продолжил: – ...не к покою и веселью, но к трудам, печалям, напастям, – сказав, замолчал и поглядел на владыку.

Тот был в задумчивости. О чем-то, видать, забытом напомнил инок.

– Мдаа, – произнес игумен, – во сто крат прав отец Сергей. У всех у нас жизнь одна.

Он посмотрел на окно. Сумерки подкрались незаметно. Может быть, это видение напомнило ему о подошедшем вечере. Он зевнул, прикрыв рот рукой, и промолвил:

– Пошли покажу твою келью. Завтра-то что думаешь делать?

– С рассветом поеду в Любучу. Там старики одни живут. Попроведовать надо.

– Да, – произнес игумен, – старых да хворых забывать грешно, – и, кряхтя, поднялся. – Да хранит тя Бог! – сказав, он осенил его крестом.

Так или нет, но Александру почему-то подумалось, что владыка был чем-то недоволен, так быстро стал отправлять его набоковую.

Утром, отслужив заутреню, владыка тепло простился с иноком и дал ему двух монахов, чтобы те проводили его. Как инок не отказывался, владыка настоял на своем...

Неожиданный приезд Александра встретили Осляби с такой сердечной радостью, что даже смутили его. Они не приняли его извинения, что прошло столько времени, как уехал Роман, а он так и не смог их посетить.

– Да все обустроиваемся, – смущенно оправдывался он. – Ну куда уедешь от прославившегося своей святостью Сергия, который сам строит кельи, колет и носит дрова, воду из колодеза, сам готовит кушанья на всю братию, шьет платья и сапоги. Служит всем, как раб купленный, – заключает Александр.

Старые Осляби слушают Александра, а на их лицах светится такая святость, будто она передалась им от Сергия.

– Не забывает он и тех в своих молитвах, кто с Романом ратует за несчастную Русь, за то, чтобы приблизить день ее свободы.

– Поклонитесь от нас, Александр, – Евдокия смотрит на своего муженька, тот кивает головой, – преподобному Сергию, передайте ему нашу родительскую радость, что он помнит и чтит их. А мы помолимся за него.

– Хорошо, мои дорогие, – отзывается Александр.

– А... може, есть весточка кака? А? – неуверенно, словно извиняясь, спрашивает старый Ослябя.

– Неет, – отвечает Александр, – но, думаю, их поддерживают наши молитвы.

– Дай бог, – они втроем опускаются на колени перед иконой, – вернуться им живым, здоровым и помоги им, Господи, чтоб не пустым было их мучение.

Глава 2

Да, молиться за них надо было. Северная «зараза» жакерии постепенно опускалась. Если там все было ясно: Жак боролся со своим угнетателем, то здесь, на юге, все осложнилось благодаря присутствию англичан. Кто поддерживал их, ожидая для себя лучшей доли, кто поднимался против ненавистного захватчика.

Опасность же была в том, что, нападая друг на друга, они не спрашивали, кто ты такой. Случалось и такое, что бились меж собой те, кто одинаково видел своего врага. Поэтому, нашей троицы приходилось опасаться всех. А это сильно сдерживало их продвижение. Но, наконец, они добрались до заданного района.

Отыскивали вблизи небольшую деревушку. Одна семья сильно обрадовалась возможности заработать и переселилась к своим родственникам. Хозяйка вызвалась быть у них стряпухой, а хозяин – проводником. Звали его широко распространенным именем: Жак. Был он среднего роста. Но плотный, кряжистый. Сила так и веяла от него, хотя был и не молод. Быстрый, понимающий взгляд его темных глаз говорил о том, что он лишен ума.

Как выяснилось, в молодости он был в услужении самого тамплиерского Ордена. Служение его закончилось с разгромом ордена королем Филиппом. Его наниматели почувствовали, что он мог оказаться и неплохим помощником. И тогда они решили открыть ему свой секрет. Слушал он их внимательно, сосредоточенно, что говорило о том, что он многое знает, но взвешивает, как ему поступить. И он высказал им свои опасения.

– Дело вы затеяли опасное. Тут много было желающих. Но чтоб найти чашу, я не знаю. Скажу честно, что за время своей работы там я много раз слышал о ней. Но... ни разу даже глазком не взглянул на нее. Хотя, признаюсь, так хотелось... Знаю, что стерегли ее какие-то монахи. Я видел одного.

Если начало его рассказа сеяло сомнение в душах слушателей, то его сообщение, что он видел одного из тех, кто ее стерег, враз вернула им радость надежды.

– Жак, откуда посоветуешь начать поиск, – спросил Роберт.

– Я... думаю, с замка Монсежур и развалин на холме Безю. Там была крепость тамплиеров.

Слушатели переглянулись: это же им говорил аббат Жизо!

– А ты нам... помогнешь? – спросил Кобыля.

Жак почесал затылок.

– Дело... тово... опасно... – И он поднял искрящие глаза на Пожарэна, почему-то определив его старшим.

Тот улыбнулся:

– В обиде не будешь.

Жак вздохнул и проговорил:

– Не могу отказать достойным людям.

«Достойные» люди вместе с хозяином рассмеялись. А на завтра определились начать подготовку. Так как, по словам Жака, до Безю от их деревни было не менее трех суток пути, то определились взять с собой палатку. Надо было нанять тех, кто будет копать, носить да и искать тоже. В старые шахты кто полезет. Из продовольствия хозяин посоветовал взять муки, крупы, соли, немного винца.

– А... посолиднее? – спросил Пожарэн.

– Зверья там бей, не перебьешь. Да и рыбешки хватает. А вот оружия надоть.

И, нагрузившись всем необходимым, небольшой караван покинул деревеньку и двинул на северо-восток. Жак, хорошо знавший эти места, предложил занять одну незаметную лесистую лоцинку. Еще одно ее достоинство было в роднике, который бил из-под земли и протекал по

днищу лощины. Вода у истока ломила зубы и была приятна на вкус. Пожарэн и Роберт сходили посмотреть, и предложение Жака было принято. Прежде чем начать обустройство, так как всем было понятно при беглом осмотре местности, что здесь жить придется ни один день, Жак спросил:

– Жилье вам строить по отдельности?

На что Роберт первый высказал мысль, что он непротив жить втроем. Его дружно поддерживали.

Так как смотреть даже на дружную работу наемников было как-то не очень удобно, то по предложению Кобылье было решено подняться на гору. Услышав такое решение, Жак, что-то сказав работникам, подошел к тройке.

– Я слышал, вы хотите подняться... – И он хотел головой показать на вершину.

Но высота горы была такова, что картуз свалился с головы Жака. Да, когда-то магистр, решивший построить свою крепость, долго выбирал место, пока не показали ему эту гору. Его покорила ее высота, крутость стен и, главное, наверху оказался водный слой.

Во время строительства, чтобы легче было доставлять строительный материал, была построена витая дорога вокруг горы. Весь лес вырублен и выкорчеван, чтобы никто незамеченным не мог подойти к крепости. Но за то долгое время, когда по приказу Филиппа крепость была уничтожена, прошло много времени. Склоны заросли и подниматься наверх стало в несколько раз труднее.

Жак также дал совет сменить тяжелые сапоги на легкие чевяки и заланить одежду. Когда все это было сделано, Жак вручил им чекмари, и они тронулись в путь. Сделав всего по несколько десятков шагов, они поняли, что бы делали они без Жака, который, как собака, чуял, как лучше пробираться в этих зарослях. А шли они налегке. Только Жак что-то тащил на своем горбу.

Пролив семь потов, они оказались на вершине. Как не устали, но та панорама, которая развернулась перед ними, просто захватила их. Прежде всего, бросились в глаза живописные скалы, которые, разрывая зеленый покров, как сказочные паруса выплывали из глубины желтеющего вдаль тумана. Это на северо-востоке. На юге и западе картина была совсем другой. Меж веселых, с нежной зеленью лугов, огромными то темными, то светло-зелеными пятнами раскидывались лесные массивы. Все это прорезало, как артериями, серебристые воды рек и речушек. Кое-где, нарушая эту зеленую гармонию, вкрапливались серые силуэты крестьянских изб.

– Красотища! – вздохнул Кобылье.

– Зато под ногами...! – заметил Пожарэн.

Да, под ногами были груды камней, сквозь которые пробились, став почти деревьями, кусты.

– Смотрите! – воскликнул Пожарэн. – Березки!

Все бросились к ним. Роберт узнал их. Они росли кустом, пятерочки нежных, светлых стволиков.

– Надо же! – дивятся Пожарэн и Кобылье. – Куда их занесло!

– Как и вас, – смеется Роберт.

Они рассказали Жаку, что у них на родине целые леса таких деревьев. Тот наклонил голову то вправо, то влево, потом произнес:

– Красивые.

Налюбовавшись красотой, они решили братья за дело.

– Но как искать в этой заросшей груде камней? – засомневался Роберт.

– Даа... тут, наверное, филипповцы все обыскали, – сделал предположение Кобылье.

– Даа, – почесывая затылок, согласился с Пожарэн.

– Да! – сказал и Жак. – Здесь искать нечего!

Все посмотрели на него. Взгляды их были такие, словно Жак убил в них надежду. Это уловил и Жак. Он усмехнулся:

– Я думаю, ее они здесь и не хранили. Эта гора изрыта разными ходами, где делались тайники. Магистры нанимали для этого немецких шахтеров.

Эти слова оживили их.

– Так надо искать выход! – посоветовал Кобылье.

– Да, – задумчиво проговорил Пожарэн, – придется облазить всю гору.

– Домой приедем уже старенькими, – смеется Кобылье.

Рассмеялись и остальные. Посмеявшись, решили спускаться вниз. Люди равнины, они не знали, что спускаться оказалось гораздо хлопотней, чем подниматься. Когда вернулись, лагерь полностью был готов. Его даже окружили плетеной оградой, материалом пошел вырубленный лесок для лагеря. Подивились они и другому. В котле клокотало какое-то варево. По запаху скорее всего уха. А на вертеле жарилось несколько зайцев. Такая встреча подняла настроение.

– Эээ, братцы! Если так будет каждый день, то я вряд ли захочу отсюда уехать, – потягивая носом, сказал Пожарэн, а сам рассмеялся.

– Да, – произнес Кобылья, – сколько Рома теряет!

– Ниче! – подмигивая Роберту, хохоча, говорит Пожарэн. – Его там две хозяйки обхаживают!

– Да, – поддерживает Роберт, – они накормят, так накормят...

Слышал бы их Роман. Ему было не до смеху. Со всех сторон начали ползти слухи, что в округе орудуют какие-то банды. Тревогу начал бить Бланка де Клемен по поводу невозвращения Изабеллы де Буа.

– Кто ее увез и куда? – по нескольку раз в день задавала она вопросы Роману.

Но что тот мог сказать. Только пожимал плечами. Эта неизвестность породила тревогу. Она усилилась, когда какой-то житель ближайшей деревни прискакал в замок сказать, что неизвестные напали на деревню Арно, которая находится в нескольких десятках лье от них, и сожгли ее. Вскоре другой житель сообщил, что подобное произошло и в деревне Монре.

– Господи, – всплеснула руками Бланка, – что же нам делать?

Она так выразительно посмотрела на Романа, что того, бедного, так сильно пробил пот, что он не выдержал и рукавом, как это делает на Руси черный люд, вытер пот с глаз.

– Надо готовить крепость, – нашелся он, – я пойду... – поторопился он поскорее оставить ее.

Но не тут-то было.

– Я с вами! – решительно заявила она.

От этих слов ему стало не по себе. Но... куда деваться.

Он первый полез на стену. Когда поднялся, за ним поднялась и Бланка. Отдышавшись, она, склонив свою прелестную головку, ангельским голоском произнесла:

– Во Франции мужчина подает женщине руку, когда она поднимается.

Краска залила лицо Романа. Взгляды их встретились. Он не выдержал и заторопился вперед, да так сильно, что она крикнула:

– Куда, граф, вы бежите?

Проживание когда-то в тевтонском замке вдруг здесь ему очень пригодилось. Незаметно для себя, наблюдая там, как производили ремонт крепостных стен, он это вспомнил и стал делать довольно грамотные замечания. Это отметила про себя герцогиня, не отстающая от него ни на шаг. После обхода, она собрала людей и дала им указания по тем замечаниям, что сделал Роман.

Затем Роман проверил наличие оружия. Но и тут потребовалось его вмешательство. Он же приказал запирать ворота не только на ночь, но и днем. Прежде чем их открыть, страж должен был залезть на стену и убедиться, что рядом никого нет.

Вскоре очередь дошла и до ратного люда в замке. Каково же его было удивление, что лиц мужского пола оказалось всего несколько человек. Пьер с двумя взрослыми сыновьями, конюх, кучер, садовник да пара подметал. Собрав их, он приказал принести оружие. И тут без удивления не обошлось: топоры, вилы да косы – было их оружием. Пришлось вооружать их из графского арсенала. И немного обучить владению мечом, секирой, шпагой, стрельбой из лука. Глядя на эту, как Роман называл про себя, банду, он невольно вспоминал свои новгородские походы. От них воспоминания перекидывались на Московию. Как там?

Все меньше на Руси слышно о деяниях московского князя. Его врагов это радовало. Долго ждал возвращения своего посланника Олгерд, да так и не дождался. Понял умный князь, что нет в живых его посланца Драйнаса. Видать, уж не узнает... Решил сам попробовать крепость Московии.

Первым его шагом было вернуть Ржеву. Не любил он отдавать назад что-нибудь, раз взятое. Пошел он со своим сыном Вингольтом. И взяли город. Олгерд дальше не пошел. Решил узнать, какова будет реакция Московии. Так ли она слаба, что не заступится за своего смоленского князя. Не заступилась. Это окрылило Олгерда. И в его голове зародился большой поход на Московию. Но какая-то сила хранила ее, спасая от коварных дум великого литовца.

Внезапная кончина магистра Арфберга заставила прервать ход мыслей великого литовского князя. С Арфбергом у него установились доверительные отношения. Это его усилиями он избавился от княжича Василия, открыв дорогу его сыну на великое княжение. Ему не терпелось узнать, как это случилось. Не пожалел денег. Вскоре ему рассказали, что Арфберга видели вместе с Обно после возвращения его из Московии. Что они вновь хотели затеять, тайной останется навсегда. Но доподлинно известно, что после этой встречи магистр, придя к себе, почувствовал себя очень плохо. Вскоре его не стало. Еще узнал Олгерд, что новый магистр с патологической ненавистью относился к литовскому князю. Тут уж не до Московии. Срочный его посланец мчится к Кейстуту. Верный, преданный брат является по первому зову. Решили готовиться к походу не на восток, о котором мечтали, а на запад.

Бердибек начал с того, что послал Мурзу Кошака на северную Русь, от него натерпелись горя. Но терпела Русь, вбирая в себя и накапливая свою скорбь. Не чувствуя противодействия, Бердибек послал сына Мамат-Хожа пока на Рязанское княжество. Мамак, придя в Рязань, направил в Москву к великому князю Иоанну посланца с предложением установить новые границы между Московским и Рязанским княжествами. Но у Иоанна хватило сил выгнать посланца, запретив тому появляться в Московии. Трудно сказать, как бы отреагировал Бердибек на такой поступок Московии, если бы... не смерть Бердибека от руки своего сына Кулпы.

Что-то неспроста небо вдруг стало так опекать Московию. Наверное, первым на Руси об этом подумал Пересвет, придя к преподобному Сергию с таким своим открытием. Тот поднял на него кроткие, лучезарные глаза и тихим, проникновенным голосом сказал:

– Нам надо больше молиться о них. Просить Господа нашего проявить величайшую милость поспособствовать нашим посланцам в их поиске и неустанно благодарить Бога за Его благоволение к нам, грешным, – сказав это, он почувствовал, как в одногласие бьются их сердца.

Глава 3

Графиня Изабелла де Буа ждала своего переговорщика, так она про себя называла Руссингена, стоя посреди комнаты, обнимая прижавшихся к ней детей. Руссинген был ей приятен своей застенчивостью, обходительностью, вниманием и желанием, она это чувствовала, помочь ей. И все же сегодня она хотела решительно потребовать от него, чтобы он выполнил свои обещания насчет Роберта и отвез ее и детей в Буа. Обдумывая, что она еще ему скажет, услышала вдруг властный, резкий стук. И поняла, что это не он. Так оно и случилось. Не дожидаясь ее ответа, дверь отворилась, и вошел незнакомый, уже немолодой человек. По его походке, надменному взгляду серо-зеленых глаз она поняла, что это важная птица, и постаралась сделать независимое выражение.

– Я рад приветствовать графиню Изабеллу де Буа и ее, – тут он постарался улыбнуться, – прекрасных наследников.

– Кто вы? – вместо приветствия спросила она, голос ее прозвучал вызывающе.

Но тот, по всему было видно, не придавал этому особого значения и довольно мирным голосом повторил:

– Кто я? Граф Конрад фон Вернер, рыцарь тевтонского ордена, – произнес он довольно гордо.

– Рыцарь? – с удивлением воскликнула графиня. – А я считала, что они остались...

– ...только в книгах! – закончил он ее слова на довольно веселой ноте. – Да, вы находитесь под защитой рыцарей тевтонского ордена, которые считают своим долгом ходить за больными, защищать женщин и биться с врагами веры, – глядя вдаль, сказал он.

Произнеся эти слова, а говорил он с выражением, с интересом посмотрел на нее. Вероятно, хотел видеть, какое впечатление произвели его слова. Но она, похоже, не оценила их. Тогда он спросил:

– Может быть, синьора предложит мне сесть.

– Да! Да! – как бы спохватившись, произнесла она. – Прошу! – и указала на кресло.

Но он стоял как вкопанный.

– Садитесь, – пригласила она.

– Только после вас, синьора.

Она направилась к креслу, стоящему у небольшого, но изящного столика. Рыцарь ловко подскочил и подставил ей кресло. Она присела, не отпуская детей. Он сел напротив.

– А где... мой... – Она замялась.

Изабелла до сих пор не знала его имени, а сам Руссинген не осмелился назвать ей себя.

– Руссинген! – назвал он, поняв, о ком спросила графиня.

– Простите, но я не знала его имени.

– Это не страшно, синьора. Главное, что он у нас очень обходительный человек. Или у вас есть к нему претензии?

– Что вы! Нет! Я видела, что он очень старался... услужить мне. Когда я его теперь увижу? – спросила графиня, зачем-то ближе подвигая детей.

– Не скоро! – вздохнул он. – Но я с удовольствием готов исполнять ваши просьбы, если, конечно, смогу их выполнить.

– Я хочу в Буа! – заявила она. – К своему мужу!

– К сожалению, – он сокрушенно покачал головой, – это невозможно.

– Но почему? Ваш... Ру... Русин...

– Руссинген, – подсказал Вернер.

– Да, он, – сказала она, – обещал мою встречу с Ро...

– Простите, – он перебил ее, – обстоятельства сильно изменились.

Она посмотрела на него расширенными глазами.

– Но он...

Граф опять не дал ей говорить.

– Я не хочу сказать, что он обманывал вас, но получаемые нами сведения были довольно противоречивы. Они – то подавали надежду, то рушили.

– Так скажите мне всю правду, – голос прозвучал умоляюще.

И чтобы рыцарь проявил жалость, прижала к себе детей.

Он вздохнул, расправил полы кафтана. Только сейчас она обратила внимание, что рыцарь тщательно одет. Кафтан с золотыми вензелями, на левое плечо наброшена мантия с бархатными скрижальями на груди, ноги в сафьяновых коричневых сапогах. Она посмотрела на себя. «Крестьянка и только!» – мелькнуло у нее в голове. Юбка из шерсти в широкую полосу, светлые чулки, простые кожаные башмаки, полотняная шемизетка да бористая епанча. Она постаралась убрать ноги под кресло.

– Правду? – Он усмехнулся. – За правдой сегодня не угонишься. Вы, французы, сошли с ума. Вас бьют англичане, а вы поднимаетесь против собственного короля, против замков.

Он почему-то последние слова произнес со значением. Изабелла уловила его намек.

– Что, мой... замок взят?

Он поправил аккуратно подстриженные усики, потом провел рукой по сидящим волосам. Графиня не выдержала.

– Ну? – грубовато спросила она.

– Да, – рыцарь облизал губы, – кто-то его захватил.

– А Роберт? Что с Робертом? – Изабелла поднялась, словно тигрица, готовясь к прыжку.

– Роберта, графа Буа, – поправился он, – там не было.

Графиня без сил упала в кресло.

– Слава богу, – тихо произнесла она и перекрестилась. – А где он? – опомнясь, спросила она.

– Да... где-то с королем. Где ему быть!

– Да он же ранен?

– В руку, сеньора, в руку.

Он поднялся. Потом спросил:

– Жалобы, просьбы есть?

– Если что узнаете о графе или о замке Буа, сообщите, пожалуйста, поскорее мне.

– Хорошо, сеньора.

Откланявшись, он вышел, а дети насели на мать:

– Когда домой, когда вернется папка?

Что им сказать.

– Скоро, – ответила она, платочком вытирая глаза...

Придя к себе, Вернер решительно направился к столу. Выдвинув кресло, вдруг задумался, опершись на его спинку. «Да. Она прекрасна! – тихо прошептал он. – Теперь понятно, почему так стал защищать ее Руссинген. Нет, мой твердый мальчик, я не дам тебе испортиться до конца. – Он сел в кресло и позвонил. В дверях показался рыцарь, стоявший на чреде.

– Ко мне Руссингена!

Вошедший Руссинген был мрачен, лицо выглядело обиженным.

– Садись, – и он указал на кресло у стола. – Завтра тебе надо ехать в Каркасон. Оплатишь вперед на полгода за проживание. Там поищи знатоков.

– Вернер, да я думаю...

– Думаю я. – Глаза Вернера смотрели холодно, жестко.

Такой взгляд не предвещал ничего хорошего. Руссинген повернулся и направился к выходу.

– Эй, – окликнул его Вернер, – а деньги! – и бросил на стол кисет с деньгой.

Затем он вызвал Вольфа.

– Надо собрать разный сброд и взять замок, – сказал ему Вернер.

– Со сбродом замка не взять! – отчеканил тот.

– Ты бы узнал, кто там, потом говорил. Если не справишься с садовником да кучером, я в тебе ошибся, – назидательно проговорил он.

Вольф понял все:

– Когда я могу приступить?

– Сейчас, – был ответ Вернера.

Вольф, как неглупый человек, не очень-то поверил шефу. Вооружившись главным, деньгой, он отправился в путь. На одинокого всадника никто не зарился. Каждый думал: «Да будь у него деньга, разве бы он ехал один». Расспрашивая по дороге редко встречающихся путников, он через несколько дней был уже у стен Буа.

Опытный военный глаз еще на подъезде определил, что замок в ожидании нападения. Ворота наглухо закрыты. На стене видна стража. «Вот тебе садовник с конюхом, – саркастически улыбнулся Вольф, – нет, тут с кем попало на штурм не пойдешь!» И развернул коня.

Искать себе помощников он знал где. Кабачок – вот прибежище людей, ищущих приключения. И таких людей здесь полно. Торговля замерла, не стало денег. А жить-то надо. Начав прощупывать таких людишек, он понял, что на замок Буа они не пойдут.

– Там хозяева – люди! – ответил ему один полупьяный кандидат на временного воина.

«Ну что, – решил Вольф, – привезу дальних. Еще лучше».

Отъехав от этого места не менее сотни лье, он занялся вербовкой. Она шла довольно успешно, что позволило ему делать отбор. Набрал десятка три более тренированных вояк, Вольф не стал засиживаться, а повел их на Буа, не сказав о цели похода.

После того как Вернер выпроводил Руссингена и отправил Вольфа, он вплотную занялся поиском чаши. Для этого пригласил к себе рыцаря Эренфрида, праправнука альтенбургского командора. Отлично сложен, плечист, грудаст, что говорило о недюженной его силе. У него было приятное тонкое европейское лицо, мало вяжущееся с его фигурой. Он был непобедим на ристалищах и не глуп в делах. К тому же, несмотря на свою молодость, ему не было и тридцати, он дважды котирировался на магистра.

– Садись, Эренфрид. – Вернер вышел из-за стола и подставил ему кресло.

И у них потекла неторопливая беседа о том, зачем они сюда прибыли, что уже сделано и что надо сделать. Вернер перед ним поставил пока две задачи: приступить к обследованию и поиску на горе Безю и продолжать разузнавать о тех, кто мог бы помочь в обнаружении чаши. Эренфрид взял себе поиск на горе, а двум своим друзьям с подвешенными языками поручил общаться с местными людьми.

От их замка до Безю было два дня пути. Приехав на место, Эренфрид решил обосноваться на месте, выбрав для этого восточную сторону, поближе к речушке. Привязав лошадь, он решил подняться на гору. Спортивному молодому парню это было не в тягость. Любоваться природой он не стал, а поинтересоваться развалинами захотелось. Эренфрид долго лазил по каменной гряде, не находя ничего возможного для поиска. Все ходы были завалены. Приустав, он присел на валун и вдруг почувствовал какой-то неприятный запах и пошел на этот запах. Чем ближе он подходил, тем острее запах чувствовался. Он нашел. Это было... человеческое испражнение. Здесь кто-то был. Причем недавно. Эренфрид не спустился, а скатился с горы, запрыгнул на коня и погнал его в обратную дорогу.

Когда он, с несколько расширенными глазами, рассказывал об этом Вернеру, тот, на удивление рассказчика, был довольно спокоен. Когда Эренфрид закончил говорить, Вернер, глядя в окно, произнес:

– Они уже здесь!

Эти слова были непонятны Эренфриду, и он не без удивления посмотрел на Вернера. Почувствовав его взгляд, Конрад повернулся к нему:

– Не торопись, ты скоро, мой мальчик, – за последнее время Вернеру почему-то понравилось так называть своих помощников, – все поймешь. А пока установи за ними наблюдение. Знай их каждый шаг, о чем говорят. Но... не вздумай попасть им на глаза.

И вдруг Эренфрид взбунтовался. Он резко вскочил, грохнув сапогами о пол, отчего Вернер даже вздрогнул.

– Я – рыцарь, а не жалкий соглядатай, – заявил он.

Вернер, уже пришедший в себя, усмехнулся.

– Ты знал, зачем мы едем?

Тот кивнул.

– Знал! И не представлял себе, что поиск может предполагать и другое? Как ты думаешь, почему у нас находится графиня с детьми?

Эренфрид, Вернер это почувствовал, стал что-то соображать. Горячность его таяла на глаза.

– Я тебе скажу, – Вернер вышел из-за стола и подошел к нему, – если мы ее не найдем, орден наш не протянет и двух десятков лет!

Такое высказывание Вернера шокировало Эренфрида. На какое-то мгновение он потерял дар речи.

– По... Почему? – наконец произнес он.

– А потому... – Вернер вернулся на свое место. – Я хочу тебя спросить: за счет чего живут государства? – сказав, он склонил голову, на его губах застыла издевательская улыбка.

– Ну... как... живут...

– Да, живут: за счет войны, победной войны, чтобы побежденные платили дань или торговли, на худой конец. Скажи мне, кого мы можем одолеть, чтобы за их счет жить: русских? Нет! Литовцев? Нет! Поляков? Нет! Немцев? Нет! Никого, слышишь, как бы мы не старались, одолеть не можем. Это показали годы наших войн. Тогда что, ты прикажешь заняться торговлей. А? Рыцарь?

У того голова упала на грудь.

– Не все так плохо, – голос Вернера изменился, стал каким-то уверенным, – мой мальчик. Если мы найдем чашу, все будет по-другому. Иди и ищи.

Эренфрид поднялся и побрел к дверям...

У Пожарэна и его друзей работа по поиску чаши сдвинулась с места. Им удалось отыскать тщательно заделанный вход в подземелье. Когда они вошли туда и прошли расстояние, которое позволял попадающий туда дневной свет, их встретила прохлада, затхлый воздух, пропитанный гнилью и еще какой-то гадостью.

– Нужны факелы, – подсказал Жак.

В этот день они больше не работали. Вернувшись на стоянку, принялись за факелы. Что бы они делали без Жака! Хитрец сразу об этом не сказал, но топленого жира взял в достатке.

И вот вновь они на месте. И опять удивил Жак. Все увидели у него на плече моток бечевы.

– Это зачем? – подивился Кобылье.

– Увидите! – загадочно ответил тот.

Развалив замаскированный вход, они вошли вовнутрь. Вскоре пришлось зажигать факелы. Кое-где кровля обвалилась. Приходилось на животах пробираться по упавшей породе. Затем попали под сильный капкеж. Пока пробирались, промокли до нитки. Еле спасли факелы. Миновав водную завесу, этот таинственный ход неожиданно разветвился на три выработки. Вот здесь-то Жак, забив в стену железяку, привязал к ней бечеву. Дальше шли, распуская ее за собой. Они тщательно осматривали и обстукивали каждый сажень, ища какое-нибудь укрытие, нишу. Но все было напрасно. А дальше проход, по которому они шли, стали пересекать

другие. Заблудиться здесь было легко. Зайдя в один поворот, они наткнулись на человеческий скелет. Кто это был? Теперь уж не узнать. Одежда давно сгнила, цепей ни на ногах, ни на руках не было.

Сзади внезапно что-то загремело. Все замерли. Чего греха таить, стало страшно: а вдруг перевалило проход так, что и не выбраться. Видать, об этом подумали все. Жак вызвался посмотреть. Все ожидали его, затаив дыхание.

– Ничего страшного, – сообщил он.

Невольно у всех вырвалось:

– Ух!

– Слушай, – Пожарэн обернулся к Роберту, – ступай-ка назад. Куда ты с больной рукой. Видишь, что творится.

– Неет! Я друзей не бросаю, – ответил тот.

В этот день они обследовали все выработки, которые позволила их бечева.

– Завтра надо нарастить, – объявил Жак.

Когда вышли на божий свет, солнце уже нежилось на пышных ветвях букового леса. Чумазые, взмокшие, усталые, голодные, вернувшись к себе, они переоделись в сухое, наскоро пожевали и завалились спать.

Незаметно пробежало полмесяца. Результат – несколько скелетов, проржавевшее оружие да шишки и синяки от отваливающейся породы. Все выработки в этом входе они вроде обошли. Теперь надо было искать следующий вход. Работа так захватила их, что Роберт, к стыду, подзабыл о жене, где она, вернулась или нет домой. И только в наступивший перерыв он вспомнил о своих домашних делах.

– Я с вами совсем закрутился. Нет мне прощенья. Если Изабелла бросит меня, такого мужа, правильно сделает, – со смехом объявил он друзьям.

– А еще ты забыл, что ты капитан мушкетеров. Рука прошла и тебе надо являться к королю.

Роберт серьезно задумался. Но молчал.

– Знаешь что, – к нему подсел Кобылье, – езжай-ка ты домой. Действительно, тебе надо являться к королю и жену повстречаешь. А мы тут без тебя, так Жак. – Он повернулся к нему.

Жак кивнул.

– Вот видишь.

– Правильно, Андрей, ты говоришь, – поддержал его и Пожарэн, – давай собирайся, а мы пока действительно без тебя обойдемся.

Роберт задумался.

– Ваша светлость, – обратился к нему и Жак, – ваши друзья сказали правду. Езжайте.

Роберт вздохнул:

– Я понимаю, ехать надо. Но не могу бросить друзей.

– Друзья все понимают и говорят тебе: езжай! – чуть не в голос проговорили они.

– Ну смотрите...

На следующий день, отказавшись от провожатых, он ускакал, крикнув им на прощание:

– Я постараюсь поскорее вернуться.

Глава 4

Первые шаги Вольфа понравились бы шефу, если бы он смог их увидеть. Хорошо вооруженный, сбитый, он производил неплохое впечатление. К тому же на первых порах жесткие требования Вольфа выполнялись наемниками безукоризненно. Он приучил их не задавать ему вопросов.

– Я плачу вам деньги, а вы делаете то, что мне нужно. Кто не выполняет мои требования, не получает деньги.

Не обошлось и без маленького инцидента, который имел большие последствия. Один из них было взбунтовался, когда Вольф запретил им пьянствовать.

– Я трачу свою деньгу, и ты мне не указ! – заявил тот, когда Вольф застал его в таверне.

– Пшел вон! – процедил Вольф.

Но наемник ядовито усмехнулся.

– Че ты мне сделаешь? – бросил тот, демонстративно кладя руку на рукоять шпаги.

Вольф, разъяренный таким поведением, схватил его за шиворот и, как котенка, выбросил на улицу. Разъярился и тот. Обнажив шпагу, он бросился на обидчика. Он был неплохой фехтовальщик. Но Вольф долго не церемонился и проткнул его своим ловким выпадом. Это видели многие и поняли, что их вожак шутить не умеет, да к тому же отлично владеет оружием. И больше никто не пытался нарушить его указания.

Осторожный в военных делах, он подходил к замку Буа, как рысь к своей жертве. Вольф для этого нанимал местных проводников, которые вели его отряд лесными тропами. Замок они увидели под вечер. В лучах заходящего солнца, на вершине холма он производил своей строгостью, высотой зубастых стен, круглыми глазастыми башнями, словно стражами, довольно тягостное впечатление.

– Никак нам его брать? – спросил кто-то из подъехавших воинов, видя, как Вольф внимательно его рассматривает.

– Что, уже испугался? – грубовато-насмешливо спросил Вольф.

– Да мы не такие брали, – отъезжая, обиженно ответил тот.

– Посмотрим, посмотрим, – как бы про себя проговорил Вольф и, повернувшись к отряду, крикнул: – Всем в лес. Костров не жечь!

Аббат деревушки Мутье, что в двух лье от замка Буа, помолившись, укладывался на боковую. На улице давно стемнело, и он, задув свечи, только приподнял толстый шерстяной покров, чтобы нырнуть под него и насладиться его теплом, как в дверь кто-то постучал.

– Кого его принесло? – произнес аббат, одевая разношенные чувяки. – Кто? – осторожно спросил хозяин.

– Я, святой отец! – Голос был знаком.

Аббат открыл дверь. Перед ним стоял Пьер, его прихожанин.

– Что случилось, мой друг? – тихо, чтобы не разбудить своих, спросил аббат.

– Да я, святой отец, пошел по грибы, их ноне много уродилось, и я...

– Да ты по делу, по делу! – перебил его аббат, боясь, что пройдет сон и тогда ему мучиться до утра.

– Да я... тово... их собираю, слышу вдруг шум. Я присел за куст.

А тут гляжу, мимо меня много люда проходит. Да все мужики вооружены. Я потихоньку за ними. Так вот, они подошли к замку Буа и дальше не пошли. А ночуют в лесу. Кабы...

– Ладно! – перебил аббат. – Утром, на зорьке собирай мужиков.

– Ага, ладно. Я пошел.

– Иди! – ответил аббат.

Заснуть в эту ночь аббат так и не мог. Долго ворочился. Несколько раз молился, но сон упрямо не шел. С петухами он поднялся. Мучила одна мысль: «Не уж на замок хотят напасть?» Ему сказывали, давно это было, один граф пытался его взять...

С петухами поднялся и Вольф. Приказав людям быть готовыми ко всему, он направился к замку, прихватив одного наемника. Не рассеюшаяся темень, смешавшись с утренним туманом, прятала землю размашистым покровом. Ворота замка были закрыты. «Ишь, – подумал Вольф, – по-прежнему осторожничают».

– Стучи! – приказал он мужику.

Тот послушно соскочил с коня и постучал в ворота. Через какое-то время сверху раздался бабий голос:

– Че надоть?

– Да мы... заблудились. Сбились с дороги. Всю ночь проблукали. Еле стоим на ногах. Впусти, родная, нам бы отдохнуть. Мы заплатим.

– Проваливайте. Вон дорога, по ней идите. Тама деревня. Они и накормят и спать уложат.

– Покажи, где та дорога!

Баба высунулась из проема:

– Да вон...

Стрела ударила ей в грудь. Та, ойкнув, сползла на проход.

– Быстро наших, – приказал Вольф.

Вскоре вся его шайка-лейка собралась за спиной предводителя. Он окинул их взором. Все были в сборе. Тогда он отвязал суму, притороченную к седлу, и достал из нее веревку с трезубцем на конце. Спрыгнув с лошади, он подошел к стене и кинул трезубец на стену. С первого броска трезубец за что-то зацепился. Чтобы проверить это, он дернул веревку. В этот момент за стеной ударил колокол. Вольф опешил. А колокол бил и бил, поднимая людей. Тогда он понял, что этот звон не его рук дело и надо быстрее подняться наверх и открыть ворота.

Промедлил Вольф, промедлил. Потерял драгоценный момент. На звон колокола бежали люди. Садовник, подбежавший к воротам, увидел сторожиху, из плеча которой торчала стрела. А она, как в забытьи, все била и била. Садовник бросился наверх. И вовремя. В проеме меж зубьев мелькнула чья-то голова. Топором, который он схватил, выбегая на звон, он успел рубануть по веревке.

Вольф оборвался и крепко хряснулся задом о землю. Еле поднявшись, он приказал ломать ворота. Зря он сразу не посвятил шайку в задуманное дело. Ломать ворота, легко сказать, а чем это делать? Руками? Помог один умелец. Он срубил дубок, толщиной в руку. Обрубил его, сделал палку, привязал ее к веревке, отошел подальше от ворот и забросил наверх. Бросок оказался удачным. Защитников подвело то, что они собрались вокруг раненой бабы со своими советами и упустили стену.

Несколько человек успело подняться. Кто-то заметил их на стене.

– Эй! – крикнул он. – Глядите! – и показал на этих молодчиков.

– Графа, графа кричите! – заорала толпа.

Графом здесь звали Романа. Временная хозяйка замка, герцогиня де Клемен, очень старалась угодить этому молчуну-медведю, как про себя звала его. Она часто лично готовила для него разные смачные кушанья. Вчера вечером она накормила его запеченным зайцем, смазанным салом. К нему приготовила соус с чесноком. Затем пирог с рубленным мясом и луком. Запивал он все это сладким разведенным медком. Так что, спал он как убитый после такого застолья.

Герцогиня первой в доме услышала тревожный звон колокола. Ей уже приходилось, когда она одна хозяйничала в замке, одевать боевую форму. И теперь она была у ней под рукой. Быстро одевшись, проходя мимо дверей молчуна, она стукнула несколько раз. Но, не дождав-шись ответа, махнула рукой:

– Ладно, сама управлюсь!

Когда она выбежала во двор, там уже шла настоящая рубка. Она увидела, что ее жильцы защищают ворота от нескольких человек, нападавших на них. Не раздумывая, Бланка ринулась в бой. Ее появление вдохновило оборонявшихся. Они уже стали нападавших оттеснять от ворот, но те, получив помощь в несколько человек, вновь перешли в наступление. Помощь нападавшие получали постоянно, а ряды оборонявшихся редели.

И тут опять вспомнили о графе. Один раненый, зажимая рану, доплелся до кровати Романа и разбудил его. Увидев перед собой раненого человека, он понял все. Его словно кто-то подбросил. Моментально он ринулся на помощь. Издав воинственный клич, отчего нападавшие даже приостановили нападение, он, как лев, напал на них, разя направо и налево. Силу придавало ему то, что он видел, как нападавшие почти пленили герцогиню. Он расшвырял их с такой неведомой силой, что те бросились наутек. Кто-то из них в каком-то страхе подскочил к воротам и открыл задвижку. Скорее всего, он не думал сюда впускать своих, а видел путь к спасению. Но... дело было сделано, и банда ворвалась вовнутрь.

Своим падением Вольф испортил только все дело. Он, отличный боец, еле держал в руках шпагу. И вдохновлять своих мог только криком. Но и это действовало. Вольф видел, если не уложить этого волка, то все это «стадо» вряд ли их одолеет. И он направил своих на этого бойца. Но тому казалось, что не он является главной добычей, а герцогиня, и защищал ее из всех сил.

Роману с герцогиней пришлось отступать. И вот они уже у крыльца. Воодушевлены приближающей победой, нападавшие усилили натиск. Один нападавший пробрался за спину Романа и, что было сил, замахнулся мечом на... герцогиню. Каким-то чутьем Роман ощутил опасность и, обернувшись, успел отбить этот удар. Герцогиня была спасена. Но оголенная спина Романа сыграла с ним злую шутку. Меч другого нападающего, скользнув по шлему, нашел слабое место в плече. За это Роман проткнул его шпагой. Силы оставляли его. Но он из-за всех сил держался. Собрав последние силы, он убил еще одного храбреца, отчаянно нападавшего на женщину. Но земля зашаталась под его ногами...

И тут вдруг в воротах раздался громкий глас, заставший нападавших обернуться. Они поняли, что на помощь защитникам пришли эти люди. Им оставалось только одно: прорваться. Не всем это удалось. Но удалось Вольфу. Он на этот момент забыл даже о своей боли. Герцогиня, послав за лекарем, не отходила от Романа.

Если перелистать листы истории назад, то можно прочесть, что что-то подобное уже было в этом замке. Вот на этой широкой дубовой кровати лежал когда-то простой русский парень, в жилах которого, не зная того, текла княжеская кровь. Здесь встретил он свою любовь, пройдя через муки ада. Также здесь, на этой земле, спасали владельцев замка крестьяне, которые видели в своих хозяевах людей, а не жадных вымогателей. Неисповедима судьба божья.

Роберт мчался, не жалея ни себя, ни коня. А гнало его вперед ощущение какой-то беды. Но где она... было непонятно. И все же он склонялся, что не все ладно в его замке. И вот уже знакомые места. Bravo! Он почти дома. Какой-то день пути, и он обнимет свою дорогую Изабеллу, прижмет к себе ненаглядных детишек.

Его остановила раздвоенность дороги. Ехать по правой – дальше, но надежнее. Мосты отслежены. Встречается и жилье. Мало ли что может случиться. Конь, вон, бедный, как под дождем побывал. Левая – короче, но... «Нет, еду по правой» И он, чтобы дать роздых коню, пустил его иноходью.

Столько времени не спавший, он задремал и видит сон, будто кто-то его догоняет.

– Капитан... – доносится до его сознания.

Что это, сон или явь? Не может он понять.

– Капитаннн, – кто-то трепет его за плечо.

Открывает глаза... Мушкетер. Роберт трясет головой, чтобы прогнать сон. Он не хочет видеть никаких мушкетеров, только Изабеллу...

– Капитан! Да остановитесь вы!

Вновь открывает глаза. Нет, это не сон.

– Капитан, повеление короля, – и протянул ему свернутый в трубочку приказ.

Роберт разламывает печать и разворачивает лист. Там несколько строк, но каких!

– «Капитан, я приношу вам глубокое извинение, что не даю возможности долечиться, но государственные дела обязывают меня срочно потребовать вас для исполнения ваших обязанностей.

П.С. Ваше промедление может стоить безопасности Франции.

Король».

Прочитав, Роберт поднял глаза на вестового.

– У меня конь выбился из сил, – тихо проговорил он.

Все же это была надежда...

– У меня есть для вас лошадь.

Капитан вздрогнул, ругнулся про себя и пересел на другого коня. «Прощай, Буа!»

Пару дней капитан и вестовой ехали молча. Мушкетер, поглядывая на расстроенного капитана, не решался с ним заговорить. А у капитана, голова которого была заполнена мыслями и о семье, с которой не удалось увидеться, и о друзьях, не было никакого желания вступить в разговор.

И все же разговор состоялся. Поводом послужил встретившийся им всадник. Мушкетер не выдержал и произнес:

– Сколько проехали и ни одного человека. Это первый, кого мы встретили. Интересно, куда подевались люди, а куда он-то едет?

Но на свои вопросы от капитана ответа не дождался. А встретившийся им всадник был... Эренфрид.

Что же заставило его оказаться здесь? Выполняя указания Вернера, Эренфрид вынужден был стать соглядателем, хоть он так ненавидел таких людей. Взяв с собой пару надежных человек, они поочередно подбирались к стойбищу неизвестных ему искателей чаши и слушали их разговор. Те не таились, так как считали, что они тут одни. И вот он услышал разговор об отъезде графа Буа. Эренфрид не знал и долго раздумывал, надо или нет об этом сообщить Вернеру. И все же решил: надо.

Через пару дней он предстал перед ним. Вернер, выслушав, приказал немедленно готовиться к отъезду, но ему пришлось рассказать и о Вольфе, который должен был захватить замок.

– ...так вот, если он его взял, а туда пожаловал граф, он, безусловно, бросил его в темницу.

– А если Вольф убил его?

– Это очень плохо. Дойдет до короля. Он прикажет найти убийц. Боюсь, докопаются до нас. Тогда... – Он махнул рукой.

– А если граф в темнице? – этими словами Эренфрид вернул Вернера к разговору.

– Если он в темнице, Вольф должен и тебя бросить туда, сделав вид, что вы не знакомы. Он поможет вам бежать. Графу надо в Париж. Ты скажешь, что и ты направлялся туда. Дорогой постарайся с ним подружиться. Когда будете в Париже, спустя с полмесяца, выберешь удобный случай и подольешь ему в питье. – Он встал, подошел к поставцу и достал оттуда крохотный пузырек, поставив перед ним, сказал: – Спрячь подальше. Когда графа не станет, сразу не уезжай. Пусть все успокоится. Вот тебе деньги, – и он достал из ящичка под столом тяжелый кисет.

Дойдя до двери, Эренфрид вдруг остановился.

– А если он, не заезжая в Буа, поехал в Париж?

– Поедешь и ты туда.

Оставшись в одиночестве, Вернер долго ходил по кабинету, что-то тщательно обдумывая. Решение его было таково: продолжать следить за этими искателями, а самому начать поиск в разрушенном замке Монсегюр.

Глава 5

Удача руссам изменила. Если первый вход в подземелье был найден весьма быстро, что породило надежду на скорое исполнение задуманного, то после этого шли дни за днями, недели за неделями, месяца за месяцами, но поиск был безуспешным. Каждый неудачный день порождал все больше и больше неуверенности в начатых поисках. И друзья уже начали поговаривать меж собой о переезде в другое место. Но какое? И все же их ночные рассуждения склонялись к тому, что любой магистр, владеющий этой бесценностью, не мог хранить чашу в каком-то удаленном месте. Здесь была неприступная крепость в неприступном месте. Где, как не здесь, хранит ее.

Безусловно, тайник был тщательно спрятан. Чашу же, в случае какой опасности, можно было быстро из него изъять и перенести в другое место. Была ли до этого угроза? Вроде нет. Даже Жак говорил, что король хитростью заманил Молэ и его помощников. В этом случае они были лишены возможности отдать распоряжение о перенесении чаши в другое место. Да и нужно ли было это делать. Этим мог кто-либо воспользоваться, потому что цепочка передачи была длинной. И они каждый раз останавливались на том, что поиск надо продолжать. С утра у них был оптимизм: ну, сегодня... Но проходило «сегодня», а все было по-старому.

В этот вечер, садясь ужинать, они не досчитались одного работника. Кто-то сказал, что он после обеда пошел проверять заячьи петли. Время шло, а его все не было. Вот и воздух начал терять прозрачность, и все всполошились: «Надо искать! Что-то случилось? Может, тут объявился медведь-людоед?» Вооружившись копьями, мечами и факелами, все двинулись на поиски. Растянувшись лентой, постоянно перекликаясь друг с другом, они стали прочесывать чашу. Темнело быстро. Пришлось зажигать факелы. Вскоре кто-то громко крикнул:

– Стойте!

Все замерли. У многих затрепетали сердечки. Что случилось?

И вдруг точно из-под земли до них донесся какой-то ужасный звук:

– Ууу! Ааа!

– Что это? – переглянулись они.

По коже у каждого пробежал морозец. Один из мужиков все же осмелился и ответил:

– Аааууу!

В ответ так же душераздирающий крик:

– Аааууу!

Все бы ничего, но звук шел, словно из-под земли. Кто-то завопил:

– Бежим! Это дух магистра!

Падая, ползя на карачках, продираясь сквозь чашу, люди рванули назад. Остановить их было невозможно. Но чего греха таить, поддались этому и оба Андрея.

Оказавшись у себя, не раздеваясь, они рухнули на лежаки. Но сон не шел.

– Что это могло быть? Неужели мы впервые в жизни услышали звуки духа? – задавали они друг другу один и тот же вопрос.

Но тут же рождалось сомнение:

– А почему, когда они только начали поиск, он не предупредил их. А вот с потерей работника... Нет, тут что-то не то.

Пожарэн и Кобылье, не сговариваясь, поднялись с рассветом. Не говоря друг другу ни слова, тихо покинули стойбище и пошли вчерашней дорогой. Дойдя до того места, где вчера они услышали этот душераздирающий крик, они подали свой:

– Аааууу!

Не успело улечься эхо, как услышали ответ:

– Аааууу.

Андреи переглянулись. Кобылье сказал:

– Пошли туда! – и махнул рукой в сторону, откуда донесся звук.

Идя, они часто подавали свои сигналы. И им отвечали. Только ответы были странные: глухие, как из-под земля.

И вот они дошли до места, откуда исходят звуки.

– Нет! Ничего не видно! Лес, кустарник. Эээй! – кричит Пожарэн.

– Аауу! – слышится ответ.

И раздается он где-то рядом. Кобылье начал раздвигать кусты. И тут раздался его крик:

– Андрей, сюда!

Подскочивший Пожарэн увидел у ног Кобылье дыру, в которую свободно мог упасть человек.

– Отойди! – и рукой отодвинул Кобылье, а сам лег на живот и крикнул в эту дыру: – Парень, ты здесь?

– Здесь! – услышали они ответ, который снимал тяжелый груз с их плеч.

Вдвоем они еле выломали ствол как-то дерева. Ободрали ветки и спустили его вниз.

– Держи.

И вот несчастный охотник за зайчиной стоит среди них. Цел и здоров. Только вот волосы на голове сединой подернулись. Но какая это мелочь по сравнению со спасением жизни.

Дорогой он им рассказал, что с ним случилось.

– Начал я проверять петли. Одна пустая, вторая. А тут показалось, что в кустах что-то шевелится. Я – туда. А там птица из-под ног фыырр, а я вниз полетел! Вот и все. Благо упал на ноги да на кучу какую-то. Попробовал выбраться, но не получилось, высоко было. Я давай кричать, думаю, что меня будут искать. Обрадовался было, когда услышал ваши крики. А потом вдруг все исчезло.

Когда они подходили к стоянке, увидели, что там царит смятение. Костер для приготовления пищи не горел, а все собрались в кучу и что-то горячо обсуждали. Судя по их одежде, не трудно было понять, что те, скорее всего, собрались в дорогу. Их появление произвело фурор. Они застыли, словно изваяния. Когда во всем разобрались, сколько было смеха. Отсмеявшись, спросили у него, что же это было.

– Скорее всего, потайной ход, – ответил он.

– Слава те, господи! – Пожарэн перекрестился.

Наскоро перекусив, всем не терпелось начать новые поиски, прихватив все необходимое, они двинулись в путь. И вот они на этом злосчастном месте.

– Не подходи, – Пожарэн поднял руку, – нужно разобраться. Дайте-ка веревку!

Он обвязал себя за талию и осторожно пополз к дыре. И тут раздался грохот. Прямо перед его глазами земля провалилась вниз. Обнажившие стены были из бревен. Они сгнили. Лежащий на них грунт продавил их. Помог этот неудачливый зайцелов.

Пожарэн спустился вниз и вскоре раздался его голос:

– Есть ход! – подтвердил он слова зайцелова. – Зажгите факелы и дайте мне, – приказал он снизу.

– Подождите! – остановил их Кобылье. – Я его одного не пущу. Обмотайте и меня.

Взяв в руки факел, спустился и он. Шли они долго, пока не уперлись в перевал. Через него пролезть не удалось. Но было понятно, что он шел под гору.

– Что же делать? – сидя на куче, задали они себе вопрос.

– Надо определить направление, – высказал мысль Кобылье.

Пожарэн ударил его по плечу:

– Молодец! Ты иди к дыре. Я остаюсь здесь с факелом. Ты, глядя на меня, будешь говорить навстречу, чтобы пара человек как бы стала надо мной.

Кобылье идею не надо было растолковывать.

Когда они поднялись, наемники с рублеными деревьями уловили направление. Пройдя в этом направлении какое-то расстояние, они увидели перед собой ровно просевшую землю. Было понятно, что отсюда начинался обвал. Дойдя до его конца, они решили здесь копать колодец.

Три дня неустанной работы, и они оказались в потайном приходе. И вновь им надолго предстояла нудная, шаг за шагом, поисковая работа. Но как им не повезло! Пройдя всего несколько десятков шагов, они наткнулись на десяток, если не больше, скелетов. Кое на ком сохранились остатки одежды. Скорее всего, это были королевские воины. Осторожно, чтобы их не задеть, прошли дальше.

О Господи! Перед ними вновь была стена из обрушившейся породы. Теперь стало понятно, что воины попали в ловушку. Обвалы спереди и сзади похоронили их здесь навсегда. Эта весть не очень-то обрадовала наемников. Кое-кто потихоньку засобирался в обратную дорогу. А это грозило срывом поиска. Пожарэн и Кобылье по этому случаю объявили им, что под землю будут спускаться только они. Это успокоило наемников.

Новое место для копки колодца они нашли быстро. Полдня поиска и перед их глазами такой же провал. Рыть колодцы они приноровились. Те же три дня, и вход готов. Но в этот день Пожарэн в честь Покрова Пресвятой Богородицы дал всем роздых, сказав, глядя в голубое небо:

– Покрой нас честным Твоим покровом и избави нас от всякого зла, – и перекрестился, склонив голову.

Глядя на него, это проделал и Кобылье. Наемники тоже крестились, но по-своему.

Придя к себе, Пожарэн бросился на лежак и, положив голову на руки, в задумчивости смотрел вверх. Кобылье, стоя перед другом, тоже о чем-то думал. Потом сел на лежак и спросил:

– Наверное, о Дарьюшке своей задумался?

Пожарэн с ответом не торопился. Потом, не поворачиваясь, задумчивым голосом ответил:

– И о ней тоже.

Больше он ничего говорить не стал. Кобылье поправил изголовник и тоже улегся на лежак. Прележав молча какое-то время, он вновь заговорил:

– Интересно, а мне ничего в голову не лезет. Разучился за это время думать.

Пожарэн, вероятно захотел проверить сказанное, повернулся к нему:

– Как ты думаешь, где сейчас Роберт?

– Роберт, – зачем-то переспросил он, – а кто его знает. Скорее всего, уже вернулся в Париж. А вот что делает Роман? А? Как ты думаешь?

– Не хитри! – рассмеялся Пожарэн. – Ты думаешь насчет Бланки. Красивая у Роберта сестренка.

– Да и он сам мужик что надо!

– Наша кровь, русская. Ты знаешь, в них течет кровь великих козельчан. И не простых.

Но слова «наша кровь, русская» задела Кобылье, ибо тот произнес их с особой, гордой, интонацией. Кобылье поднялся и сел на лежак.

– Интересно, чем русская кровь отличается от прусской?

Пожарэн уловил в его словах обиду.

– Чем? – Пожарэн поднялся. – А у нас кровь алая, а у вас красная!

Кобылье понял, что друг его разыгрывает, и философски заметил:

– Какая разница, у всех у нас, повинных, кровь – вода, а у невинного – беда.

Пожарэн рассмеялся:

– Это ты точно сказал. А все ж Роме достался счастливый жребий.

– Кто его знает, – мудрено произнес Кобылье.

Какой день Роман то метался по лежку, то впадал в беспамятство. Рана оказалась серьезной. И все по его вине. Желая показать себя крепким мужиком, он пренебрег первой помощью. А на другой день, когда вошла к нему герцогиня, она больше не выходила из его комнаты. Собрались бабки, и они взялись за лечение. Но не то опоздали, не то не умели, но парню день ото дня становилось все хуже. Бедная Бланка потеряла голову. Она все твердила:

– Это из-за меня. Это из-за меня.

Одна из старух случайно обмолвилась, что хорошим лекарем слывет Жизо, старый аббат.

Ни слова не говоря, она оседлала лошадь и только ее видела. Какая-то старушенция заметила:

– Ну чистая Агнесса.

Так звали мать Бланки. Жизо горячо откликнулся на просьбу Бланки, только попросил дать ему время приготовить нужное лекарство.

Когда она вернулась, то увидела Романа в таком состоянии, что ей стало страшно.

– Господи! – упала она перед иконой. – Спаси его!

Появившийся Жизо приказал убрать со стола все склянки и стал вытаскивать свои. Затем, когда все разложил, попросил раздеть больного. Осмотрев рану, она уже начала гноиться, он, засучив рукава, взял тряпицу и полил на нее какую-то темную жидкость. Она неприятно пахла, этому еще добавлял чесночный запах. Этой тряпицей он выдавил гнойные накопления. Заменял ее другой тряпицей, облитой этой же жидкостью, и приложил к ране. Из другой склянки в ложку налил синеватой жидкости и, подняв его голову, вылил ему в рот. Проведя эту процедуру, он взял банку, вывалил из нее на стол пиявок и рассадил их по всему телу.

Набросив легкую накидку, он спросил у Бланки:

– Кто будет ухаживать за больным?

– Я, – ответила она.

Аббат не удивился и сказал ей, чтобы она вливала больному синюю жидкость, как только просыпятся песчаные часы. И, достав их из сумы, поставил на стол. Попрошавшись, аббат сказал, что завтра приедет. Несмотря на просьбу старух, чтобы Бланка шла отдохнуть, а они справятся и без нее, герцогиня отвечала отказом. Она боялась, что старухи могут сделать что-то не так и может случиться трагедия.

На другой день, когда появился Жизо, он с удивлением посмотрел на герцогиню, как она изменилась: постарела, лицо поблекло и даже появились усталые морщинки.

– Бланка, – ласково позвал он ее, – иди-ка отдохни. Так тебя надолго не хватит.

Она побоялась его послушаться и нехотя удалилась.

Жизо внимательно осмотрел больного. Снял многие пиявки, оставив всего несколько штук. Затем натер его тело маслянистой жидкостью. Напоил каким-то раствором и, сменив на ране повязку, повернулся к старухам и сказал, чтобы они поглядывали за больным и не будили герцогиню. Показав, чем еще надо поить, попрощался и, шаркая ногами, пошел к дверям. Взявшись за ручку, обернулся и сказал:

– Завтра приеду опять.

К вечеру Бланка была уже на ногах. И сразу примчалась в комнату больного. Он спал. Дыхание его выровнялось. Появились первые признаки, что болезнь отступает. Выполнив все веления Жизо, герцогиня села около изголовья больного и, не спуская глаз, стала смотреть на него. Старухи понимающе подмигнули друг другу и потихоньку удалились из комнаты. Сколько дней и ночей уверенность то побеждала, то отступала, вгоняя в отчаяние Бланку.

Глава 6

Почти месяц прошел после выпадения первого снега, а этот лег уже основательно, покрыв землю белоснежным, мягким покрывалом. Каким чудом заиграла природа. Березки больше не стыдились своей наготы. Их ветви, прикрывшись пуховым одеянием, стали похожи на девиц. А ели, как седоусые старцы, задумчиво глядели на окружающий мир. Вот стайка появившихся снегирей, как капли крови на белом покрывале, что-то делят меж собой, подняв невероятный гам.

По дороге в дорогой обшестве, поскрипывающей полозьями, сидел, одетый в теплую медвежью шубе, в мохнатой шапке, надвинутой на лоб, сам митрополит Всея Руси Алексий. Его сурово сдвинутые брови, задумчивый взгляд говорили о том, что своими мыслями он далеко улетел от этой не замечающей им красоты. Да, владыке было отчего задуматься. Когда летом он встретился с великим князем и увидел его восковое, похudevшее желтое лицо, он понял, что тот не жилец на этом свете. Не это ли заставило его совершить такую длительную поездку по северным русским княжествам. На этот раз главной его заботой было положение в Московии.

Дело было в том, что, не дай бог, если это случится, наследник Дмитрий Иоаннович был еще очень мал, чтобы взвалить на свои плечи груз княжения. Но... небо не спрашивает желания землян. Надо было пощупать, как поведут себя другие князья, являясь сегодня на вид верными последователями Московии.

К его глубокой скорби, он увидел, что не все пойдут и дальше за Московией. От них так и перло желанием самостоятельности. Взять хотя бы Дмитрия Суздальского, Константина Ростовского, Дмитрия Галицкого... Много их набирается. Ой как это опасно. Было бы Дмитрию Иоанновичу лет семнадцать, не было бы никакой беды. Он и сейчас в свои десять-одиннадцать лет отличается смелостью, отвагой и трезвым умом для стольких лет. «Но... Нет! – думал он. – Надо бояр готовить к тому, чтобы поддержать Дмитрия. На кого можно положиться, – и начинает в уме перечислять: Алексея Босоволокова, Михайло, княжеского зятя Василия Васильевича, Петра Воркова, сына Бориса Воркова... – Эх, жаль, нет ни Пожарского, ни Кобыла».

Мысли его перебрелись на них: «Как дела-то? Это ж не на Руси искать такую ценность. Даа. И есть ли что искать. Ох! Спорный это вопрос. Чаша была, это факт. Но... Да! Ну, дай бог! – Эй, расступись! – орет кучер.

– Что это он? Где мы? – думает митрополит.

– Владыка, куды велишь ехать. Мы – в кремле.

– К князю, к князю поезжай, – отвечает митрополит, вытаскивая ноги в катанках из-под соломы.

Князь встретил его в проходе. Худой, от этого показался Алексею высок ростом. Они обнялись. Щекой митрополит почувствовал, как горит его тело.

– Пошли. – Иоанн обнял владыку за талию и повел в светлицу. Дорогой сказал: – Благодарен, владыка, тебе за то, что с дороги заехал ко мне. Вот и отобедаем. Я вот... прихвариваю. Все собираюсь, как ты, друзей проведать.

При этих словах митрополит вздохнул.

– Что, – оживился Иоанн, – кое-кто замышляет отсечься от нас. Знаю, владыка, что ждуть моей смерти. Но... – он остановился, – не дай, богом прошу! Не позволяй рушить им Русь.

Владыке показалось, что князь шатнулся. Он осторожно обнял его за плечи. Так и вошли они в светлицу.

Митрополит подошел к красному углу и опустился перед иконами на колени. Помолившись, он поднялся.

– Пошли! – Владыка указал на стол.

Иоанн взял колоколец и звякнул в него. Тотчас появился служка.

– Будем кормить дорогого гостя? – сказал он и повернулся к усевшемуся владыке.

Сел сам.

– Что хорошего, владыка, привез? Чем порадуешь?

Лицо митрополита посуровело, брови сошлись на переносице.

– Не хочу вводить тебя в заблуждение, великий князь: привез хорошего, да мало. – Владыка замолчал, наверное, обдумывая, с чего начать. – Не удалось мне убедить преподобного быть моим преемником.

Эти слова ошарашили князя.

– Как? Не согласился?

– Ни в какую! – с горечью произнес владыка.

– Да! Святой он у нас человек, – сказал князь.

– Сильно святой! – В этих словах митрополита князь уловил обиду.

– Не сердчай, владыка, на него, – сказал князь, – служба Богу, как он, скольких тот укрепляет в вере к нему. Щас вся земля к Богу тянется. А это ли не крепит Русь. Чую, стоит она перед великими событиями. Вот Бог благословил князя да боярина на поиск Христовой чаши. А для чего он его делает? Все для Руси! Спит и видит ее свободной.

– Для етого, князь, стараемся и мы все, – заметил митрополит.

– Вот общими-то усилиями, бог даст, и будем свободными. Жаль только етова не увижу.

– Бог милостив! – сказал митрополит. – Все может быть!

– Неет, владыка, неет! Чую... Ты уж мойво Митьку поддержи.

Митрополит ответил:

– Для етова и стараюсь.

Тут стали заходить слуги и заносить разные явства. Выловив момент, когда они остались одни, Алексей сказал:

– Боюсь я, как бы Олгерд, пронюхав про нашу слабость, не попробовал бы гостем нежеланным явиться на Русь.

В это время вновь зашли слуги с подносами. Расставив принесенное на стол, старший посмотрел на князя. Тот, показав глазами на иноземную бутылку, попросил:

– Налей-ка!

Взяв кубок, князь тяжело поднялся.

– Дорогой владыка! – начал он, опустив кубок почти до стола. – Я рад видеть тебя, мое сердце разрывается от счастья, что на Руси такой митрополит, для которого забота о ней – самый его святой долг. За тя... – Князь качнулся, вино слегка выплеснулось за стол.

Но он удержался и молодцом осушил бокал. Присев, князь взял глухаринное крылышко, добыча Дмитрия, и обглодал его. Положив косточки на блюдо, полотенцем вытер губы и, показывая на зажаренную птицу, не без гордости сказал:

– Митина добыча.

– Да, – вздохнул митрополит, – Дмитрий будет замечательным князем. Только малость ему надо подрасти.

Иоанн не захотел развивать эту тему, она была ему неприятна, и спросил:

– А как князья?

Владыка и тут не стал юлить:

– Знаешь, Иоанн, по-разному. Ярославский, Тверской, Тверской, – он второй раз это слово произнес с ударением, – да и Костромской, Можайский, они крепко стоят за Москву. Но, не скрою, Суздальский, Ростовский... есть и другие, на которых надежда плоха.

– Даа! Но думаю, твои молитвы, владыка, да если это удастся... – митрополит понял, что князь всерьез надеется на этих духовных посланников, – то Русь устоит. И не только... – Дальше он не договорил, схватился за грудь и уперся головой в стол.

Митрополит как молодой подскочил к князю.

– Тебе плохо, Иоанн? Лекаря крикнуть?

– Не надоть! Щас пройдет.

И точно, через некоторое время он уже выпрямившись сидел за столом. Но митрополит понял, что его скорее надо укладывать в постель. Он поднялся. Князь попытался сделать то же.

– Сиди, сиди, – усадил его митрополит и, подойдя к двери, крикнул: – Эй, есть кто-нибудь?

Точно из-под земли появился служка. Владыка приказал отвести князя в опочивальню. Князьи слуги помогли митрополиту облачиться в его шубу, подали шапку и проводили до саней. Благословив их, владыка сел в сани и поехал к хоромам.

Хоть дорога была короткой, но он думал о разговоре. Поднимаясь на свой крылец, он вдруг вспомнил об Литве. «Эх, жаль, не оговорили, – подумал он, – а противник грозный! Надо ехать туда, – решил митрополит, – туда ехать, как в пасть... Но чем не пожертвуешь ради Руси».

Да, Литва была опасна. Время для нее, чтобы подорвать мощь Московии, приближалось. Олгерд это хорошо понимал. Ума ему было не занимать. Все зависело от нового тевтонского магистра. Время шло, а тот не подавал никаких признаков на установление если не дружеских, то хотя бы каких-то договорных отношений. Как не вспомнить ушедшего Арфберга. Нашел же он с ним общий язык. Это ведь его усилиями не сидит сегодня в княжеском кресле Василий Сименович. Дельный был княжич, внук самого Гедимины. Щас бы мог претендовать и на литовское княжество. А вот приближается время, когда мы можем кой-что урвать у Московии. Но все зависит от Книпрوده. Раз молчит – значит готовится. Надо и нам не отставать.

В Магдебурге, в тевтонском замке, новый магистр принимает гостей. Безвозвратно прошло то время, когда рыцарские ордена жили по уставу: жить вместе, спать на твердых ложах, есть скудную пищу. Стены этого зала, в котором должен был состояться прием гостей, видели многое: и строгие суды, и страшные заговоры, и сборы перед очередным походом, но такого обилия яств, которое появилось на столе, видели впервые. Здесь ожидали тех, кто носил громкие фамилии, предки которых внесли в орден заметную лепту. И вот начали подходить внуки, правнуки и праправнуки: Брейтгаузена фон Вернера, магистра Ливонского, Волквина, магистра меченосцев, Генрих фон Зальца, магистра тевтонского ордена...

Магистр Книпрوده высок, строен, с волевым лицом и серыми холодными глазами, сидевший во главе стола, поднялся. Приподняв бокал, он посмотрел на него и поставил. Опершись обеими руками о стол, он заговорил:

– Господа, вы все носите знатные фамилии, которые оказали ордену неоценимые услуги. Я не хочу читать вам историю, как великий магистр Генрих фон Зальц, придя в эти земли, сделал многое, чтобы утвердиться в этих местах. Все другие его последователи вкладывали весь свой разум, умение, чтобы умножить силу и мощь ордена. Но сегодня перед орденом встала великая дилемма: что делать дальше. Сегодня наш орден видит угрозу только с юга и востока. На юге: Польша, Чехия, Венгрия. Но сегодня наши интересы с ними почти не перекликаются. Наоборот, с некоторыми, с Польшей, мы по-прежнему имеем достаточно прочные отношения. Хотя сегодня она, как раньше, в нас не нуждается. Но в отдельных случаях нужную помощь мы получаем. Чехия и Венгрия – по удаленности, для нас пока угрозы не представляют. Остается восток. Там Русь, Литва и далекая Орда. Но главные наши враги – это Русь и Литва. Вот наш выбор. Ваши мнения, господа.

Поднялся потомок Генриха фон Зальца.

– Я знаю, что мой предок был приглашен в эти земли, чтобы защищать Польшу от литовских варваров. За это долгое время силы их удесятирились, и я думаю, что это наш главный враг.

За ним поднялся Еренфрид фон Неуенбург, командор Альтенбургского:

– Мне хорошо известно, что в те далекие времена мой предок сражался с русскими и литовцами. Конечно, сейчас сила руссов стала совсем другой, да и интересы их с нашими пока не пересекаются. – Он остановился, слуга рядом с ним ставил жареного поросенка. Поставив, удалился. Говоривший продолжил: – Поэтому я считаю, что наш главный враг на сегодня Литва.

Все последующие выступающие поддержали первых. Враг был определен.

А через несколько дней о решении этой встречи знал Олгерд. Обычно сдержанный, он выругался:

– Слепой дурак, – так он обозвал молодого магистра.

И приказал потихоньку передвигать войска к западным границам. В этом решении, узнав о сборе в Магдебурге, поддержал его верный помощник и брат, Кейстут. Сказав при этом:

– Их боги защищают Русь.

Да, Московия была слаба. Она держалась только инерцией, которую задал Калита, поддержал Симеон и начал гасить Иоанн помимо своей воли. Трудно сказать, чем бы кончился поход Олгерда на Русь, о котором он так мечтал. Ибо он мог столкнуться с другой волей. Волей митрополита всея Руси Алексия, невидимая власть которого росла по мере падения княжества. Трудно в это поверить, но нельзя было сбрасывать со счетов и княжича Дмитрия, доказывающего всем, что у него задатки великого человека.

Глава 7

Утром, вернувшись с улицы, Пожарэн с холодными руками полез под шкуру, согревающую Кобылье.

- Ну ты! – воскликнул тот, стараясь оттолкнуть руки Андрея.
- Вставай, а то зиму пропустишь, – закричал у него под ухом Пожарэн.
- Зима? Какая зима? – спросил он, поднимаясь.
- Французская, – смеется Пожарэн.

Это интригующее сообщение заставило Кобылье выглянуть на улицу. И действительно, кое-где лежал снег. Увлечшись своей работой, они не обращали внимания, что почти оголились лиственные леса, что творится вокруг их. У них была цель. Но пришла зима, она говорила, как быстро летит время. Приехали ранней весной, и вот, пожалуйста, зима. Но восхищаться или клясть свою жизнь времени не было. Надо было спускаться в очередной раз.

И в этот день все шло как обычно. Зажгли факелы перед спуском, проверили запасы жира, веревочный жгут. Жак помог им спуститься, и они пошли, по привычке обстукивая стены. Дорогой разговорились.

– Как ты думаешь, – спросил Кобылье, – после нашего возвращения в следующий они пойдут с нами?

Пожарэн остановился. Ему показалось, что за стеной есть пустота.

– Стой-ка, – вскрикнул он, доставая из-за пояса молоточек с заостренной головкой.

После нескольких ударов Пожарэн пробил дырку. Когда они ее расширили, увидели грудку драгоценностей.

- Возьмем с собой? – спросил Пожарэн, держа в горстях сокровище.
- Я думаю, надо взять! – заявил Кобылье.
- Я того же мнения, – сказал Пожарэн.

Разложив еду по карманам – хлеб да вяленое мясо, они в освободившийся мешочек сгребли драгоценности. Настроение их поднялось.

– Глядишь, – бодро шагая, сказал Кобылье, – и чашу так же найдем.

Через пару десятков шагов они услышали странные звуки: как будто падали крупные капли. Когда подошли ближе и подняли факелы к кровле, то увидели, что она как бы шелушилась и от нее отрывались камушки, будто кто-то невидимый делал это нарочно.

- Ой, не нравится мне это! – воскликнул Кобылье.
- Пошли скорее, – предложил Пожарэн, и они ускорили шаги.
- Сзади раздался сильный удар, и им на головы посыпалась порода.
- Бежим, – крикнул Пожарэн.

И они ринулись вперед. Сзади грохот догонял их. Но, несмотря на то, что друзья бежали изо всех сил, гром приближался с удвоенной скоростью.

– Ой, – услышал Пожарэн позади крик Кобылье.

Он остановился, оглянулся.

– Боже мой! – Его не было видно.

Пожарэн бросился назад. Он обо что-то споткнулся. Это оказался потухший факел, за ним уже грудка породы.

Не помня себя, Пожарэн яростно руками стал разгребать породу. На счастье, он быстро наткнулся на голову Кобылье.

– Я тебя спасу! – заорал Пожарэн и продолжал разбрасывать породу.

Когда туловище было относительно свободно, он, подхватив его за руки, с такой силой дернул друга, что они летели кувыркком несколько шагов.

– Ты как? – очухавшись, спросил Пожарэн.

– Да... вроде жив.

Грохот ударил рядом, да так, что до них долетели камни. Удар заставил их вскочить и уносить ноги.

Первым застонал Кобылье.

– Не могу, Андрей, – произнес он, переходя на шаг.

Они остановились и оперлись плечами о стену. Пожарэн сказал:

– Да!.. Обратной дороги нам, наверное, нет. Выход надо искать.

– Легко сказать! А как в этом лабиринте не сбиться с пути и не начать ходить по кругу? – высказал опасение Кобылье.

– Схожу проверю, – ответил Пожарэн, – может, через верх сможем вернуться.

Лазить так им уже приходилось. Но на этот раз их ждало полное разочарование. Вернувшийся Пожарэн с горечью сказал:

– Ни прохода, ни пролаза нет. Проход засыпан полностью. Так что, остается одно – только вперед. Помощи ждать не от кого.

Наемники, вместе с Жаком, собрали инструмент и хотели уходить, как послышался глухой подземный удар. Они побросали вещи и прислушались.

– Неужто погибли? – сказал кто-то тихо.

Жак схватил факел, быстро зажег его и, не слушая наемников, которые отговаривали его этого не делать, полез в дыру. Когда вернулся, измазанный от пят до макушки, тяжело опустился на землю и промолвил:

– Проход полностью завален.

Работяги переглянулись.

– Че, будем откапывать? – спросил один из них.

Другой заметил:

– Ты слышал, как грохнуло? За год не откапашь.

– Да, ты прав, – согласился Жак, подавая тому руку, чтобы подняться.

– Так че делать будем? – поднимая Жака, спросил он.

– Ждать, – коротко ответил Жак.

– Думаешь, найдут выход? – не унимался тот.

Кто-то бросил:

– Не зная, так заблукашь, че век дырки не найти.

– Всякое бывает, – согласился Жак, – но я подожду.

– Все подождем, – чуть не враз произнесли наемники.

Темнота украла время. Сколько дней и ночей блуждали, они не знали. Продовольствие давно съедено. Три глотка жира как-то поддерживали силы. Но и он кончался. Факел теперь был не нужен. Его обсосали и выкинули. Хотели выбросить и клад: стал тяжел. Но все же решили нести по очереди.

И вот чувствуют друзья, что остаются последние силы.

– Стой! – воскликнул первый идущий Кобылье. – Тут есть проход!

Пожарэн достал кресало и камень, высек искру. Оказалось, что они дошли до тройной развилки. Куда идти?

– А давай проверим, – предложил Кобылье, – зажжем фитиль, куды дым потянет, туды и пойдём.

– Высекай, сил нет!

Кобылье высек. Оказалось, дым потянуло в правую дыру.

– Туды и пойдём! – сказал Кобылье, пытаясь подняться.

– Посиди, – осадил его Пожарэн, – сил дай набраться.

Он закрыл глаза и увидел свои... Пожары. Новые свои хоромы. Во дворе полно разной скотины. Дарыюшка кому-то кричит с крыльца.

– Вставай, – будит его Кобылье, а то замерзнем.

– Да, – поднимаясь, согласился Пожарэн, – сон я щас видел, будто дома я в своих Пожарах.

– Значит, будешь, – промолвил Кобылье, забирая у него мешочек с кладом.

Сколько они брели, падали, поднимались... Им уже все стало безразлично. Трудно сказать, какая сила толкала их вперед. Они даже не замечали, что подземная темнота, чернее смолы, становится какой-то разбавленной. Этот отдых затянулся дольше обычного. Первым очнулся Пожарэн и не мог понять, что что-то случилось. Но что? Он будит Кобылье. Тот с трудом раздирает веки.

– Че надо?

– Не пойму, толь посветлело?

– В мозгу у тя посвет... – и вдруг он соскочил, – Андрей, че это? – и ловит руками... свет. Свет! – орет он.

Откуда взялись силы! Да! Они дошли до него! Свет бил сверху сквозь какие-то сплетения. Но до него надо добраться.

– Становись мне на плечи! – командует Пожарэн.

Он приседает. Кобылье с трудом, держась за стену, взбирается на Пожарэна. И тот медленно, дрожат ноги, поднимает его.

– Голова не пролазит, – орет он.

– На нож.

Пожарэну пришлось склонить голову: посыпалась земля.

– Попробуй поднять меня выше! – каким-то радостным голосом орет Кобылье.

Поднять? А где силы? И Пожарэн в бессилии опускается на колени. Медленно сползая по стене, рядом примостился и Кобылье. И захлебываясь от радости, начал рассказывать:

– Над нами растет дуб. Это его корни. Но пролезть меж них можно. Мелочь я убрал. Андрей, – он теревит его за плечо, – мы выберемся! Мы спасены!

– Выберемся, – отвечает Пожарэн, – вот отдышимся, свяжем кушат и... будем наверху.

Под дубом земля теплой, а вокруг она покрыта изморозью. Они долго лежали, не веря в свое спасение. Но холод заставил их шевелиться. Они поднялись и начали оглядываться.

– Где же мы? – Кобылье смотрит на Пожарэна.

А тот, задрвав голову, старался разглядеть светило. Но лесная густота не давала этого сделать. Лес был в основном вечнозеленый. Пожарэн подошел к дубу.

– Подсоби!

И, поплевав на руки, с помощью Кобылье он полез наверх.

– Ага, вот и светило... гора.

Казацкий навык помог определить, где их стоянка. Когда спустился вниз, рукой показал:

– Нам – туда!

К вечеру они были уже на своей стоянке. Она была пуста. Зола холодна.

– Не дождались, – с сожалением сказал Пожарэн.

– Интересно, сколько дней мы бродили? – глядя на Пожарэна, спросил Кобылье.

Тот пожал плечами, потом ответил:

– Много. Давай проверим: оставили нам что-нибудь или нет.

В первой же плетенке нашли продукты, в другой – теплую одежду да еще кое-что.

– Не пропадем, – подмигнул Пожарэн.

Весть о том, что два главных искателя чаши погибли, дошла и до Вернера. Она вызвала в нем не жалость, не сочувствие, а досаду. Он считал, что хорошо отстроенный им механизм слежения за действиями этих людей, в случае находки ими этого сокровища, позволял ему без особого труда овладеть им. И тут... на тебе. К срыву с Вольфом добавлялся еще один. Но все это не имело такого значения, как то, что задумал он.

В душе он понимал, что найти легче иголку в стоге сена, чем чашу. Королевские стражники все тут излазили, и неоднократно. А разве у какого-нибудь принца, герцога, графа меньше было желания обладать этим сокровищем.

Вот они погибли, погибнут еще многие. А вряд ли кто ее найдет. Эта идея была нужна ему, чтобы быть единственным, кто может осуществить такую находку. Но все показывает на то, что ее либо нет, а если есть, давно найдена и владелец тщательно хранит эту тайну. Не переворачивать же всю Францию. Ну найдет, привезет, похвалят и... забудут! В лучшем случае вспомнят, когда будут ставить ему крест. А он нашел для себя, может, дороже этой чаши...

Графиня де Буа поразила его своей красотой. Он уже не молод. Походы и битвы ему очертенели. «Не лучше ли мне увезти ее в мой замок, что под Кресброним на берегу Боденского озера. Когда она увидит там окружающую красоту, забудет обо всем. Тем более что поминуть-то не о ком будет. Граф погиб. Замок... Да, тут подвел Вольф. Надо будет думать. А пока схожу к ней в гости».

Когда раздался стук в дверь, графиня вздрогнула. Давно в нее никто, кроме служанки, не стучался. А этот стук был совсем другим: властным, повелительным. Не дожидаясь ее приглашения, дверь открылась. На пороге стоял Конрад фон Вернер собственной персоной. Руки его были заняты. Дети, как он вошел, бросились к матери. Он подошел, любезно улыбаясь. Склонившись перед детьми, девочке подал куклу довольно роскошного изготовления, а мальчику – детское рыцарское снаряжение. Те посмотрели на мать: можно ли им брать. Она кивнула: мол, берите. Дети взяли. И послышался детский восторг. Графиня улыбнулась. Но на этом его дарения не закончились. Взяв за тонкие, длинные пальцы ее изящную руку, Вернер надел на нее золотой поручь с изумрудными камнями. От такого дара у нее расширились глаза.

– Я... я не могу взять такой дорогой подарок.

И сделала попытку снять его с руки. Но Вернер придержал ее:

– Не торопитесь, сеньора. Я ничего взамен не прошу. Поверьте мне, я одинокий человек и сделать кому-либо подарок для меня счастье. Так осчастливьте меня. А я для вас сделаю все, чтобы вы были счастливы. Учтите, сеньора, Бог наградил вас неземной красотой. И берегите ее. Учтите, несчастье быстро может лишить вас этого дара.

Графиня чувствовала себя униженной, растерянной, но не знала, что делать. И не нашла ничего лучшего, как спросить:

– Э... э...

Она не то забыла, как звать прищельца, не то ей не хотелось его называть полным именем, но он тотчас подсказал:

– Граф Конрад фон Вернер.

– Да, да... я помню, ваша светлость. Я хочу спросить о графе Буа, моем муже. Вам удалось что-либо узнать?

– Да, графиня. Граф де Буа сейчас в Париже. Но там... – и покачал головой.

– Он жив? – Она вцепилась в его руку.

– Сейчас, – он вздохнул, – не знаю. Месяц тому назад был... жив. Правда, ранен.

– Ранен? – тревожно переспросила графиня.

– Ничего страшного. Слегка поцарапана рука.

У графини из груди вырвался радостный вздох. Тень пробежала по лицу Конрада. Но он тотчас, сделав радостное лицо, заговорил:

– Сеньора, глядя, как радуются ваши дети, поверьте...

Она вдруг перебила его:

– Я хочу в Париж, к мужу!

– В Париж? – Сколько тревоги заложил он в свой вопрос. – А знаете, графиня, хотя я вам уже говорил, Франция вся в огне. Сегодня идет война всех против всех. В Париже некто Этвен Марсель воюет против... короля. А там, где король, там капитан мушкетеров. По моим

сведениям, король оставил Париж и бежал в неизвестном направлении. Нашелся предводитель и среди крестьян: Гильом Каль. Тот воюет и с королем, и с его знатью. Сам король воюет или делает вид, что воюет с англичанами. Дороги наполнены разбойным людом. Неужели вы хотите подвергнуть этих прекрасных крошек опасности. Да и себя лично. Я боюсь, что волна беспредела докатится и до нас. И нам придется бежать с этого тихого, спокойного места. Так что, в Париж?

Графиня подняла на него глаза. Они были заполнены слезами.

– Я... я не знаю, что и делать... – и, схватив детей, выскочила из комнаты.

Вернер потоптался какое-то время, усмехнулся и пошел вслед за ней.

Глава 8

– Спит? – повернувшись к Бланке, спросил Жизо, пришедший проверить своего больного.

– Спит! – ответила герцогиня.

– Давно?

– Да вот третий день не просыпается.

Выслушав ее, он пощупал его лоб, сбросил покрытие, осмотрел тело. Оно уже приобрело нормальный вид. Закрыв больного, Жизо сказал:

– Ну, милая Бланка, готовь ему еду. Учти, – и помахал ей пальцем, – он начнет есть за семерых. Здоровый же он – мужичище. А сложен как! – и почему-то вновь посмотрел на тело.

Бланка, покраснев, опустила голову.

Предсказание аббата сбылись среди ночи. Открыв глаза, больной увидел, что комната погружена в полумрак. Повернув голову, он разглядел на столе горящую свечу, а рядом, навалившись на него, спала какая-то женщина. Приглядевшись, он узнал Бланку. В голову ударила догадка: она не отходила от его постели. Это он обязан ей своей жизнью. О господи, она... она его спасла! И он почувствовал, что лед, столько лет хранившийся в его груди, стал быстро таять. Полежав с открытыми глазами, не зная еще, радоваться ему или нет, он вдруг почувствовал, что сильно хочет есть. На какое-то время это чувство затмило все другое. Он осторожно поднялся и пошел на кухню. По мере того как он ел, аппетит нарастал с удвоенной силой.

– Молодец! – послышался чей-то голос.

Он оглянулся. В дверях стояла Бланка. От неожиданности Роман даже поперхнулся. Она подошла, села рядом и ласковым, проникнутым дружелюбием голосом сказала:

– Ешь, ешь! Здоровей будешь.

Он застенчиво улыбнулся. В другой раз, конечно, Роман перестал бы есть. Но у него аппетит был такой силы, что он вновь принялся за еду. Она невольно сравнила его со своим Шарлем, который в еде ковырялся, как капризный ребенок. И у женщины родилась мысль: «Вот такому попасться бы в руки...» Наелся он до отрыжки. Когда, поднявшись, он чуть качнулся, она была тут как тут, подхватив его за талию.

– Тебе надо еще лежать и набираться сил. Я тебя провожу.

Наверное, в любой другой раз он отказался бы от ее услуги, но ему почему-то было приятно ее соприкосновение. И он шел медленно, чтобы продлить это удовольствие. Остановившись у кровати, он повернулся к ней:

– Я благодарен вам за все, что вы для меня сделали. Вы... спасли мою жизнь.

– Не забывай, – игриво произнесла она, – что ты спас и мою.

– Нет! – воскликнул он. – Ваши усилия не идут ни в какое сравнение. Что сделал я? А вы не отходили все это время от меня. Я – ваш вечный должник...

– Ладно! – перебила она. – Ложитесь-ка лучше спать. Спать пойду и я.

Она шагнула, потом в какой-то нерешительности остановилась.

– Моя мама перед сном меня всегда... целовала.

И она вздохнула так трогательно, что Роман не выдержал, обнял ее и... поцеловал. Они долго так стояли, и если бы ни чьи-то шаги в коридоре...

– Ну я пошла...

Чмокнув его в щеку, она выпорхнула из его спальни. Когда за ней закрылась дверь, он лег на спину, закинул руку за голову и стал глядеть в потолок, не находя себе ответа: что же произошло и как ему поступать дальше. Он не заметил, будто кто-то замечает, как заснул.

Проснулся, когда солнышко весело заглядывало ему в окно. Роману показалось, что Бланка, зная о его ночной думе, немного посмеивается над ним. Он даже покраснел. Но стоило

в проходе послышаться чьим-то шагам, как он весь обратился в слух. «Нет, не она», – разочарованно подумал он. На солнце он больше не смотрел, а лежал и слушал, когда... В ожидании Роман даже задремал. Разбудил его ее радостный голос:

– Хватит спать. Пора обедать.

Он открыл глаза. Перед ним, вся светящаяся от счастья, стояла Бланка. Он взял осторожно ее руку. Она не выдернула ее. Поднявшись, он, не отдавая себе отчета, в каком-то порыве обнял ее за талию и приблизил к себе. Она не сопротивлялась. И он впился губами в ее алые, жаждущие любви губки.

С этого момента жизнь понесла Романа по неизведанному ему руслу. Он даже не пытался сопротивляться. Единственным его желанием было быть рядом с Бланкой, ощущать ее присутствие, слушать ее голос. Скорее всего, и это страстное чувство, вскипевшее в его груди, помогало ему набираться сил. Они стали выходить на прогулку. И с каждым днем походы их удлинялись, создавая уединение. А оно, как масло в огне, раздувало пламень любви. Прыгая через ручеек, герцогиня слегка повредила ногу. Роман подхватил ее на руки и донес до кровати.

Когда он повернулся, чтобы уйти, она нежно взяла его за руку. Глаза ее горели каким-то необычным огнем.

– Не уходи! – тихо произнесла она.

Он повернулся и опустился на колени. В нем появилось желание целовать ее. И вдруг он вскочил:

– Грех! Грех! Не могу! Ты же – жена!

Бланка вдруг рассмеялась:

– Я – жена? Открою тебе тайну: я – девственница.

– Как? – заморгал он глазами.

– Какие вы, мужчины, дурные и слепые. Мой муж – глубокий старец. А я хочу иметь детей! Это наше призвание. Так какой это грех, если на свет появится человечек и будет прославлять Бога! Я хочу от тебя дитя!

Воля его пропала, как и понятие о грехе...

Разворот на полдороге от дома не мог не расстроить капитана. Он даже, чертыхнувшись про себя, подумал хлопнуть дверью и укрыться в своем замке от всего бурлящего мира. Но дорога до Парижа не близка. Пока он увидел грозные крепостные стены, многое уже улеглось в нем. Теперь дума была одна: что поручит регент. Тот встретил его с потеплевшим взглядом холодных, недоверчивых глаз. Невысокого роста, шупленький, он производил впечатление человека весьма разумного, твердого, не подвергнутого страху.

– Как добрались, капитан? – спросил он своим сухим, деловым голосом.

– Сир! Жив, здоров и без царапины! – бодро ответил капитан.

Регент на эти слова среагировал улыбкой.

– Тогда к делу. Капитан, – регент поднялся, – я получил доношение, что граф Дир ле Дюк хочет собрать баронов в замке Беллели, это старое место сборища врагов королевской власти. Так там они будут готовить вопрос о незаконности моего регенства.

– Но, сир, – капитан по привычке так называл регента, – вас провозгласил епископ по законному желанию короля!

Карл вышел из-за стола. Он головой не доставал до плеча капитана и ему приходилось смотреть постоянно вверх.

– Хм, – усмехнулся он, – когда в стране царит такое... многое может остаться безнаказанным. Люди становятся дерзкими. Тут важно всякую заразу вовремя уничтожить, чтобы она не растеклась по стране.

Роберт понял, что хочет от него Карл.

– Сир, вы хотите, чтобы я доставил вам графа Дюка?

Карл улыбнулся одной стороной своего худого лица.

– Капитан, ты правильно меня понял. Бери полк мушкетеров и...

– Сир, простите. Но я возьму не больше десяти человек. Если я двинусь с полком, это будет в два-три раза дольше. Они раньше об этом узнают и успеют подготовиться. Тогда полка будет мало. Да и он вам здесь ой как нужен.

Карл посмотрел на капитана пронзительно. Но видно было, что он одобрил такое решение, что и подтвердилось словами:

– Хорошо, капитан. Решайте сами. Главное, чтобы он был у меня.

– Сир, клянусь честью, он будет у вас.

– Хорошо! Идите, капитан. Нет, стойте. Вы тем, кого возьмете, можете доверить графа?

– Сир! – Капитан расплылся в улыбке. – Вы хотите наградить меня возможностью увидеть жену и моих детей!

Карл рассмеялся:

– Прозорливый вы человек, капитан. Да! Можете задержаться. Идите.

– Слушаюсь, сир.

Ранним утром следующего дня из мушкетерской казармы выехал небольшой, человек десять-двенадцать, отряд. По виду это были не мушкетеры, а какой-то рыночный сброд. А по посадке – конная рать. Хорошо, что в этом мало кто разбирался. Это позволило им очень быстро двигаться на юг. С конями проблем не было. Надо – брали любых, кто будет спорить с бандитами. Забирали и из табунов. Иногда покупали.

И вот через несколько недель такой скачки они увидели издали темные стены замка. Да, королевские враги не даром выбирали этот замок. Его высокие зубастые стены казались неприступными. Много тысяч мушкетеров потребовалось, чтобы взять его штурмом. Если нельзя силой, оставалась хитрость. Роберт во все стороны разослал людей, чтобы они купили и доставили сюда несколько возов сена.

На дворе была глубокая осень. Впереди зима. Сено нужно везде. Тем более не дорогое. И вот у ворот замка появилось несколько возов прекрасного сена. Один из возниц, рослый, плечистый мужик, кнутовищем стучит в ворота.

– Чего надо? – слышится изнутри.

– Графу сено привезли. Недорого. Ступай доложи.

Служка почесал затылок и решил все же доложить. Граф, практически не занимающийся хозяйством, от такого внезапного предложения растерялся. Жаль, что нет дворского. Нужно сено или нет, он не знал. Но решил хоть раз похозяйничать.

– Спроси, сколько стоит.

Служка сбежал и доложил:

– Пистоль воз.

– Пистоль воз?

Что такое «воз», он не знал. Но один пистоль – деньги небольшие.

– Сколько возов? – спросил он.

– Пять, – был ответ.

Граф отсчитал пять пистолей. Заехав во двор, рослый мужик, постукивая кнутовищем по руке, деловито спросил:

– Куда валить?

Служка подумал и показал на конюшню:

– Тама!

Получив пять пистолей, мужик удалился.

В середине ночи дверь в графскую спальню потихоньку отворилась и в нее осторожно вошли человек пять каких-то странных людей. В руках у них горели свечи, а сами были одеты в черное. Лица прятали низко опущенные капюшоны.

– Граф! – Один из них тронул его за голое плечо.

Тот замычал и повернулся на бок.

– Граф! – уже громко позвали его.

Дир ле Дюк открыл глаза и при виде страшных «гостей» попытался укрыться от них прикрытием. Но его грубо схватили за руку и сдернули с лежанки. Не успел он открыть рот, как чья-то ладонь прикрыла его.

– Тихо, граф, – раздался все тот же голос, – если хочешь жить.

Вырванная из-под полы шпага, уперлась в его грудь.

– Одевайся, – приказал тот, кто держал шпагу.

– Ага!

Все поняли, что граф сдался.

Когда он оделся, они вышли в проход, окружив хозяина. Они так и шли со шпагой, упершейся в спину. Во дворе их ждала карета. В нее посадили графа. С ним вместе сели трое неизвестных. Ворота были открыты, и карета неслышно покатила по ночной дороге. Только слышно было, как цокали конские копыта.

– Что вы хотите? – спросил граф, немного пришедший в себя.

– Это вы спросите у регента, – был ответ.

Граф понял все и сник. Отъехав на приличное расстояние от замка, один из сидящих в карете выглянул из нее и скомандовал:

– Вперед!

В воздухе засвистели плети, и отряд, словно подхваченный вихрем, помчался вперед.

Глава 9

В замке Буа дней не замечали. И только однажды счастливая жизнь этой пары была нарушена тем, что от герцога прибыл нарочный с известием, что Шарлю стало плохо. Как не хотелось Бланке ехать и оставлять любимого, но все же пришлось это сделать. Роман провожал ее чуть ли не до замка. Они еще долго, оставив карету, не могли расстаться.

– Я буду тебя ждать здесь! – заявил Роман.

– Милый, я не знаю, сколько здесь пробуду. Но вернусь при первой возможности. Так что поезжай и жди меня.

Что оставалось тому делать.

Без нее он не находил себе места. Но шли дни, она не возвращалась. И он решил ехать за ней, приказав к утру приготовить коня. А под вечер за воротами раздался шум. Роман схватил было шпагу, но счастливые голоса: «Сеньора! Сеньора!» – дали понять, что она вернулась. Стрелой вылетел он во двор и подскочил к подъехавшей карете. Забыв обо всем, как только она появилась, Роман схватил ее на руки и понес в дом. Он даже не заметил, что герцогиня была в черном.

– У меня траур, – сказала она скорбным голосом, – я осталась вдовой.

Это известие несколько охладило пыл Романа.

– Светлая ему память. Да будет ему земля пухом, – проговорил он и перекрестился.

Но печаль длилась недолго. Ночной покров накрыл ее своей невидимой тканью. Скоро для них жизнь вошла в желаемое русло.

В этот день Жак все же решился идти в замок и сообщить Бланке о случившемся. Он долго откладывал этот поход. Боялся, что его могут в чем-то обвинить. Но думал, если не сообщит, то и тут могут заподозрить его, задав простой вопрос: «Почему не сказал? А потому, что ты виновен в случившемся!» Оделся получше, как никак идет к герцогине, для чего достал из сундука кафтан, штаны, чулки и башмаки, которые приберегались для особых случаев. И вот он у ворот замка. Там по-прежнему, оберегаясь налетов, закрыты ворота. Достучавшись, он назвал себя и сказал, что должен сообщить сеньоре что-то важное. Но прежде чем их открыть, страж сбегал к Бланке. Та велела впустить, узнав, кто это такой. Сердце ее забилося в предчувствии какой-то беды.

Вскоре вошел Жак. Остановившись, едва переступив порог, он, переминаясь с ноги на ногу и теребя в руках вязаный колпак, заикаясь, растягивая слова, заговорил:

– Я, сеньора, пр... пришел ссс... сказать, что они... по...по... гибли, – наконец выдал из последнего слово.

– Кто погиб? – недоуменно спросила Бланка.

– Ну... ну... те.

– Да скажи ты ясней.

– Ну, брата вашего... э...

Она поняла:

– Пожарэн?

– Да, да, – этот ответ прозвучал как-то обрадовано.

Ей стало даже неприятно.

– А Кобылье?

– Да, да.

– А Роберт? – испуг выдал ее.

– Нее. Он давно уехал.

«Слава тебе», – подумала она и спросила:

– У тебя все?

– Да, да! – торопливо ответил он.

– Если все, ступай. Я закажу поминальную молитву.

– Ага! – облегченно вздохнул Жак и юркнул в дверь.

Оставшись одна, герцогиня задумалась, что ответить Роману. Но, вспомнив его встречу, улыбнулась, решив про себя, что любые вести не оторвут его от нее.

– Милый, – она подошла к Роману и поцеловала его, – твои э... спутники...

Он непонимающе посмотрел на нее:

– Какие спутники?

– Да герцог Пожарэн, граф... э... Кобылье...

– Что с ними? – голос его мгновенно переменялся.

Она поняла, что это роковая ее ошибка. Но отступить было нельзя.

– Они... они погибли!

– Как... погибли?

– Не знаю. Это мне сказал Жак.

– Где он?

– Пошел к себе в деревню.

– Прсти!

Он отступил на несколько шагов и вдруг резко повернулся и бросился вон.

Жак шел с легким сердцем. Он выполнил то, что так долго его мучило. Герцогиня приняла это известие довольно спокойно. И у него гора с плеч. Правда, он укорил ее: «Ишь, она закажет поминальную молитву... Ну что... это чужие ей люди». Его рассуждения прервали довольно громкие шаги. Он оглянулся и увидел, что его догоняет какой-то мужик. Страх родился внезапно, и он посчитал лучшим для себя спрятаться в ближайшем лесу. И юркнул туда, притаившись за кустами.

– Жак, где ты? – услышал он голос. – Не бойся! Я те ничего не сделаю. Я, Роман, друг Кобылье Пожарэна. Расскажи, что с ними случилось.

Тот подумал и вышел из кустов.

Когда Жак закончил свое повествование, Роман не выдержал и, схватив его за грудь, укоризненно произнес:

– Почему вы их не спасали?

Жак осторожно отцепил его руки и проговорил:

– Спасать? А как там можно спасать? Ты был в этом подземелье?

Роман покачал головой.

– То-то! – поправляя кафтан, произнес он и добавил: – Побыл бы там, сам понял.

– Вот и пойму. Завтра поедем. Покажешь дорогу.

Жак было забрыкался. Но Роман, взяв его за грудки, приподнял и, дыша ему в лицо, сказал:

– Если ты откажешь, я тя удуш, понял? – Поставив Жака на землю, произнес: – Поедем завтра. За это я тебе заплачу. Хорошо заплачу.

– Ладно, – махнул он рукой.

Роман вернулся в замок совсем другим человеком. Встретив Бланку, он, глядя ей в глаза, сказал:

– Я не могу бросить друзей.

Она все поняла и с горечью спросила:

– Ты... поедешь?

– Да! – глядя куда-то в сторону, ответил Роман. – Завтра! Помоги мне собраться.

– Хорошо! – ответила она.

Глаза ее были наполнены слезами. Бланка поняла, что разговор о бесполезности его поездки ничего не изменит. И не стала его в этом убеждать.

На следующее утро, когда к дому Жака подъехал Роман, тот его уже ждал. Был он о двух конях. На втором – снаряжение и припасы. Жак понял, что его новый наниматель неопытен в этих делах, и сам собрал всю надобность. Ехали они молча. Жак напрасно ждал, что тот будет его расспрашивать. Роман даже ни разу не посмотрел на него, а ехал и думал. Он почему-то не верил в гибель друзей. И тут Роман вспомнил вдруг о морской встрече. «Никак тама объявился Конрад. Не ен ли все подстроил? Ну если ен... берегись гад!»

Жак, видя задумчивость и чувствуя, что у того плохое настроение, тоже не лез к Роману с разговорами. Все общение сводилось: «Пора на ночлег», Роман кивал. Но через несколько дней пути высказывание Жака было длиннее: «Скоро будем на месте!» С общей дороги они свернули на едва заметную стезю. А когда-то это была главная рыцарская дорога. Но время для кого лекарь, для кого уничтожитель. Здесь оно было вторым явлением. Дорога потихоньку зарастала.

Жак, ехавший впереди, вдруг воскликнул:

– А там что еще за чертовщина? – и остановил коня.

Подъехавший к нему Роман увидел в луже что-то, похожее на человеческое тело. Когда подъехали поближе, Ослябя соскочил с коня и подбежал к луже. Да, это был человек. Скорее всего монах. Ибо на нем было монашеское одевание. Правда, изрядно изношенное, выцветшее, неоднократно штопанное. Роман поднял его голову. Глянув на лицо, понял: это был старик весьма преклонных лет. Он открыл глаза и что-то пробурчал. Роман не стал слушать, а поднял его. Со старика потоком хлынула вода вперемежку с жидкой грязью. Так пропиталась его одежда.

– Да че ты с ним возия? – крикнул Жак. – Поди напился.

Но Роман его не слушал. Положив на сухое место, он спросил:

– Ты где живешь?

Губы старика зашевелились, по всей видимости, он что-то сказал, но Роман не расслышал и попросил повторить.

– Недалеко, – расслышал он.

– Я тя щас отвезу туда, – поднял и посадил старика на своего коня.

– Один! – весьма громко проговорил старец.

Жак, услышав это, сказал:

– Я поеду на стойбище. А ты вернешься суды и по етой дороге езжай до горы. Она виднеется впереди, там, за ней, мня найдешь.

Роман кивнул, что, мол, понял, и спросил деда:

– Куда ехать, – и махнул рукой прямо на лес.

Лес выглядел диким, заросшим и с конем трудно было передвигаться. Когда лес сгустился так, что коню не продрасться, Роману пришлось ссадить старика и в обнимку пробираться дальше. Поняв, что ему придется возвращаться одному, Роман тщательно запоминал дорогу. К вечеру они зашли в такие дебри, что, казалось, вперед нельзя сделать и шагу. Старик попросил помочь ему встать на колени, после чего развернул ветви, за ними скрывался ход. Но пройти по нему можно было только на коленях.

Они долго ползли, пока не уперлись в толстейшее дерево. Меж его корней зияла дыра.

– Спускайся! – Старик показал на эту дыру.

Она вела вниз. Заглянув туда, Роман увидел лестницу. Спустившись по ней, он крикнул старику, чтобы тот начал спускаться, а он его поддержит. Старик послушался.

Когда спустился, опершись о стену, отдышался и, держась за нее, заковылял вглубь. Вскоре дневной свет потерял свою силу. Старик подал Роману свечу, сказав:

– Зажги, сынок.

Роман не мог сказать, сколько они прошли, когда вышли в довольно солидное помещение. Свеча слабо его освещала, и хозяин взял факел, стоящий в углу, и подал Роману. Роман

его зажег и огляделся. В глаза бросилась печь у дальней стены. На Руси ее чаще ставят ближе к входной двери. Посередине дубовый стол грубой работы, но сделан на века. Около него видны три спинки ослонов. У одной из стен несколько бочек. В одну из них проложен желобок, по которому течет вода. Бочонок стоял на решетке, туда уходила вода при его наполнении. У стен много разных поставцев, меж которых висят, как снопы, разные сушеные травы. Романа удивило, почему у стола три стула, и не выдержал, спросил.

– Здесь всегда должны были жить три монаха, – ответил старик, пытаясь стащить мокрую одежду.

Роман, видя, как дедок старается это сделать, подскочил к нему и помог разоблачиться. Перед ним предстал высокий, с широкой костью старец. Видать, в молодости был удивительно силен. Кожа на нем свисала, как стираное белье на веревке.

– Дедусь, накоесь оденься, – и подал висевшую на стене шубейку, – а я разведу огонь, нагрею воды да помою тебя.

– Бог наградит тебя, добрый человек, – сказал старец.

Спросив, где дрова, Роман быстро раскочегарил печь, нагрел большой медный бак и вылил из него воду в бочку.

– Дед, какую тебе запарить траву? – спросил он у него, терпеливо дожидавшего обещанного мытья.

Старику так хотелось помыться, что он забыл даже гостю предложить чем-нибудь перекусить. Роман, опустив в бочку травы, через какое-то время попробовал пальцем воду, сказал:

– Пойдет! Дай-ка, дед, я тебе помогу.

Он взял его на руки и опустил осторожно в бочку. На лице старика столько счастья было написано.

Услышав бульканье, Роман подскочил к бочке. Там старец, ушедший с головой под воду, пытался подняться. Роман подхватил его. Сколько благодарности было в глазах деда.

– Задремал, – начал оправдываться он.

– Пора, наверное, вылазить?

– Неет, нет, – замахал старец руками, – дай напоследок насладиться.

Эти слова удивили Романа.

– Какой еще последок? – недовольно произнес он.

Старик не ответил, сделал вид, что не расслышал. Потом запросился сам.

– А где я возьму утиральник, чистую одежду? – спросил Роман.

Старец показал на поставец. Там были чистые, полинявшие и выцветшие рясы и утепленные подрясники. Вытащив и обтерев старика, Роман помог ему одеться. Тот, дойдя до ослона, бухнулся на него. Он несколько раз переводил дух, шевеля губами. Скорее всего творил молитву. Когда Роман увидел, что дед отдышался, он спросил:

– Еда-то у тебя найдется?

– Найдется! – ответил тот и пальцем показал на поставец.

Роман, открыв его, увидел внизу в несколько рядов какие-то темные бутылки. На полках лежало вяленое мясо, засохший хлеб. Посуду Роман разыскал сам, догадавшись, что она стоит в одном из поставцов. Хлеб деду он хотел замочить в чаше, но старик показал, что зубы у него сохранились. Нарезав мяса, Роман показал на бутылку. Дед кивнул и пододвинул бокал. После обеда да такой мойки деду захотелось спать.

– Где те постелить? – глядя на грудку одежды, висевшей на стене, спросил Роман.

Старец отрицательно покачал головой. Поднялся, подошел к печи, сунул за нее руки, и вдруг стена отошла. Роман такое видел впервые и был крайне удивлен.

– Ну, монах, удивил! Че там у тя?

– Пошли! Бери факел.

Когда туда вошли, Роман остолбенел. Ему показалось, что он вошел в какой-то сад на берегу моря. Все стены были выложены поливанной цветной лещадью. Они-то и составили эти картины. Все было выполнено с таким искусством, что казалось живым. Не хватало только прохлады морского воздуха. Наглядевшись на эту красоту, Роман оглядел и само помещение. Посреди инкрустированный круглый стол с тремя подобными ослонами. У стен три лежачка. Дубовые, массивные и тоже с инкрустацией. Ничего не скажешь. Не хуже королевских.

– А где те два монаха? – оглянувшись на старика, спросил Роман.

– Бог забрал. Скоро и меня позовет.

– А что, монахи вывелись во Франции? – спросил Роман, явно намекая на вопрос, а почему сейчас он один остался. Монах его понял. Он подошел к одной из кроватей, сел и о чем-то задумался. Видать, решил тайну выдать.

– Здесь хранится то, что есть самое дорогое на земле. Давно это было. Вначале она хранилась далеко отсюда, на родине Иисуса Христа. Потом ее перевезли сюда.

Слова, сказанные старым монахом, возродили в памяти кое-что из его прошедшей жизни. «Что-то подобное говорили рыцарь Конрад и его друг Камбила. Неужели это... здесь? В это трудно поверить».

– А почему ты остался один? – поинтересовался Роман.

– Годы меняют все, – ответил старец и завалился на боковую.

– Монах, я могу лечь? – спросил Роман.

– Ложись, – ответил он, закрываясь с головой шкурой.

Когда Роман проснулся, монах на коленях молился перед иконой Иисуса Христа. Он перебивать его не стал. Монах молился долго, потом несколько раз ударился лбом о пол. Затем тяжело поднялся. В тишине его кости скрипели так, словно колеса плохо смазанной повозки.

– Монах, я пойду. И так у тебя задержался. Ишь, даже соснул. А у меня друзья в беде. Надоть выручать.

Монах медленно повернулся и заговорил:

– Никого не надо выручать. Твои друзья живы, здоровы. Но они ищут не там. Да, сказать, это сокровище стараниями не найти. Кому его найти, предназначается свыше. Я не спрашивал, отрок, твое имя. Но по всем предначертаниям Божьим ты тот, кому Он ее посылает. Он и дни мои продлил, чтобы мы встретились. И что ты тот, он испытал. Ты его прошел. Сейчас я тебе вручу то, что Всевышним тебе предназначено. Разверни эту кровать, – и показал на средний лежак.

Роман подошел, тронул ее. Она была словно врыта.

– Сильнее! – приказал старец.

Роман налегся сильнее, лежак стал поворачиваться, а стены расходиться. Образовалась достаточная щель. Монах движением руки призвал его идти за ним.

Помещение это было небольшое. Посреди стоял столик, на нем неопределенного цвета чаша. Но что поразило Романа: он не увидел ни свечей, ни факелов, а комната была озарена неизреченным светом. Роман упал перед ней на колени. Молитв он еще многих не знал, но благодарил Господа нашего Бога от всей души. Наверное, монах счел его поклонение достаточным и положил свои костлявые пальцы на его плечи. Роман понял и поднялся. Монах подошел к чаше. Трепетным движением он взял ее в руки и подал Роману, который с благоговением на лице принял этот святой дар.

Глядя на чашу неотрывным взглядом, Роман не нашел в ней ничего необычного. Он слышал, что она якобы украшена дорогими камнями, сама из чистого золота. Ничего подобного. Он поднял удивленные глаза на монаха. Тот понял его, усмехнулся:

– Многие представляют себе, что это весьма дорогая чаша. Она бесценна. Тебе известно, как Христос относился к богатству?

Роман покраснел и ничего не ответил. Монах не без нравоучительного тона заговорил:

– Христос, встретив богатого юноша, сказал ему: «Если хочешь быть совершенным, продай свое имение или раздай его нищим и будешь иметь сокровище на небесах. Тогда ты можешь следовать за мной».

Этим Христос показал, что он чурается разного богатства, показывая миру свою скромность, невзыскательность, кротость.

Другими глазами после этих слов посмотрел Роман на эту чашу.

– И что мне с ней делать? – держа в руках, боясь сделать шаг, стоял он с этой чашей, вопросительно глядя на монаха.

– А с ней ничего не надо делать. Главное, беречь в строжайшей тайне.

Роман понял.

– А могу я об этом рассказать друзьям, с которыми я приехал ее искать?

– Им – можешь. Но их предупреди о тайне. Я дам тебе одну вещицу, ты ее туда и положишь.

Он подошел к кровати и вытащил из-под подголовья свернутую в квадрат какую-то материю неопределенного, даже отталкивающего, цвета. Когда развернул, то материя оказалась мешком.

– Ложь, – приказал монах, раздвигая борта этого мешка.

Роман осторожно опустил туда чашу и принял мешок из рук монаха.

– А отчего за ней такая охота? – спросил монах. – Но им надлежит знать, еще раз скажу, что в руки она попадет только тому, кого выберет сам Господь.

Роман улыбнулся.

– А как он узнает?

– Узнавать не надо, сам Господь выберет того, кто ему угоден.

– Нет, – не согласился Роман, – искать надо. Если бы я не поехал искать, кто бы ее нашел.

– Тот, кому она предназначена! – повторил монах и сказал: – А теперь ступай. Сюда не приходи. Знай, отсюда дорогу ты найдешь, а сюда – нет, как бы не искал. И помолись завтра за меня, ибо меня не будет.

– Да нет, – махнул рукой Роман, – ты еще поживешь.

– Помолись, – требовательно произнес монах, а потом добавил: – Ступай. Да хранит тебя Всевышний! И помни: строжайше береги тайну.

Глава 10

Вернер, узнав о гибели соперников, подумал и решил, посчитав, что те избрали более подходящее место для поиска, перебросить своих людей на их место. Человеку, которого он ранее посылал следить за соперниками, поэтому знавшему хорошо дорогу, приказал вернуться и посмотреть место, где можно будет разбить лагерь.

Каково же было удивление Вернера, когда тот неожиданно быстро вернулся и рассказал ему, что те оказались живыми и продолжают поиск. По мере его рассказа Вернер сильно раздражался. Здесь, во Франции, ему сильно не везет с первых шагов. Откуда взялся этот капитан? «Кстати, где же мой Эренфрид? Если и он будет неудачником, то просто беги отсюда. Этот Вольф взял бы замок... все было бы по-другому. И эти, не кстати, ожили. Надо им помочь вернуться в тот, внезапно ими покинутый, мир. Но прежде всего, требуется узнать, что им удалось за это время накопать. Если их не напугало временное заточение, значит, что-то заставило их остаться. Скорее всего, они почувствовали, что подбираются к находке. Надо осторожно за ними следить. Не дай господь их спугнуть. Подберу людей понадежнее. С двумя труда не будет расправиться. Ладно, хорошо, – думал он, – если удастся завладеть этой чашей, как же мне поступить с графиней? Можно отвести ее в мой замок. И это сделает Руссинген. Ей же подсыпать сонного порошка, когда она окажется в замке и узнает, что ее мужа нет в живых. Я думаю, она не сильно будет упираться и требовать своего возвращения. А я тем временем, сдав чашу, получу свою долю награды и, ссылаясь на ухудшение здоровья, сниму с себя рыцарские обязанности. Почетные проводы и конец жизни будут самыми счастливыми. Обладать такой женщиной – это высшее счастье на земле». И он немедленно послал назад своего соглядатая, а сам стал потихоньку готовиться к исполнению задуманного. Для этого приказал вернуть Руссингена, а Вольфу – готовить людей, которые по первому приказу привезли бы ему драгоценную чашу. После такого продуманного, как казалось ему, намерения, помешать выполнению ничего не может.

Первым шагом его неудачи было возвращение Эренфрида. Он был усталым и злым, поэтому рассказывал о своих похождениях нервно, порой резко. Вернер тоже злился, покусывая губы. Мимо ушей пролетали его слова, как он караулил графа у замка Буа, куда тот не явился. Узнав, что капитан по приказу Карла направился в Париж, он ринулся за ним. Пока его там отыскал, тот снова, выполняя указание регента, умчался на юг. Но куда? Никто не знал.

– Напрасно я вновь ждал его у Буа. Он там так и не появился. Где он сейчас, никто не знает, – сказав это, он посмотрел на Вернера.

Лицо того было бледным. Глаза грозно сверкали.

– Я сильно ошибся в тебе, – сквозь зубы проговорил он, – ты не рыцарь, ты... тряпка!

От этих слов кровь ударила в голову Эренфрида. Рука легла на эфес шпаги.

– Я, – тяжело дыша, сказал он, – никому не позволю унижать мое достоинство. Я – рыцарь, а не отравитель. Если угодно вашей милости, я готов принять от вас вызов.

Вернер понял, что перегнул палку. Здесь, на чужой земле, далеко от ордена устраивать ристалище... себе погибель. Прощай его сладкие мысли.

– Успокойся, смелый и отважный. Эренфрид, мы оба погорячились. Наши неудачи не должны нас разъединять. Мы должны собраться и... победить. Я приношу извинения за свою горячность. Негоже так вести предводителю. Вот моя рука, – и он протянул ее.

Эренфрид неохотно пожал.

– Отдохни с дороги. Скоро тебе и Вольфу предстоит ответственная работа. Если мы ее выполним, наш орден будет спасен.

Роман, простившись с монахом, легко прошел через лес. Вот и оставленный им конь. Целехонек. Почувяв своего седока, встретил его радостным ржанием. Без особого труда он

выбрался на дорогу. Жак говорил, что надо ехать к горе. Лошадь заставил пробежаться. Не заметил, как оказался у подножья горы. Задумался, куда ехать: вправо или влево. «А, поеду вправо», – решил он. Проехав какое-то расстояние, почувствовал запах дымка и понял, что выбрал правильную дорогу. Хотел было их напугать и соскочил с лошади. В этот момент ему показалось, что в ближайших кустах промелькнул человеческий силуэт. «Кто это? – подумал Роман. – Наверное, Камбила» – и крикнул:

– Эй, Кобылья, выходи!

Но никто не отозвался. «Померещилось, что ли?» Но, чтобы проверить, свернул в кусты. Там никого не было, только следы. В другое время он бы тщательно их обследовал, но, думая, что здесь они одни, не стал этого делать, а поехал дальше, придерживаясь запаха костра.

Он привел его в лошину, где увидел две времянки, посреди которых горел костер, а над ним висел котел, от которого исходил довольно вкусный запах.

– Эй! Принимай гостя! – зычно крикнул Роман.

На его возглас из одной времянки выглянул Жак. Даже ему обрадовался Роман.

– Жак, дорогой, а где они?

Тот махнул рукой на гору: мол, там где-то.

– Ты их не видел? – спросил он, соскакивая с коня.

Жак выразительно, но скорбно покачал головой.

– Так что, их нет?

– Да откуда им взяться? – был ответ.

Роман по очереди заглянул во времянки. Пусты. Если в большой времянке воздух был затхлый и живым не пахло, то в малой ощущалась какая-то живинка. И тут он вспомнил слова старого монаха.

– Ничего, скоро придут, – убедительно сказал Роман, опускаясь у костра.

Стало смеркаться. Послышались чьи-то голоса.

– Тсс, – произнес Роман, а сам поднялся и спрятался за времянку.

Вскоре показались двое.

– Костер? – удивленно произнес один из них.

Это был голос Пожарэна.

– Жак? Ты?

Жак не знал, что и делать. Не то бежать: мертвецы ожили, не то выдавать поток радости. Победило второе. Он соскочил и бросился обнимать их, твердя одно слово:

– Живы! Живы!

– А ты как здесь оказался? – после объятий спросил Кобылье.

– Да... – Он вспомнил предупреждение Романа и ответил: – Да вот решил проверить, че, как.

Пожарэн черпаком зачерпнул варево, понюхал, попробовал:

– Вкусно, давно такого не ел.

Опустив черпак, на четвереньках присел напротив Жака:

– Так че вы удрали.

– Мы... не удрали. Ждали, полезли туды, а тама нет прохода. Ну подумали... Того. Еще пождали и... поехали.

– Так бросили, значит, нас здесь. Спасибо, что хоть еды оставили.

– Да, еды тута... зашел, а здесь коза пасется. Щас варится, – заулыбался он.

– Так корми, – сказал подошедший Кобылье.

Жак соскочил и побежал в большую времянку.

Вернулся с горой посуды. Снял варево, стал разливать по мискам.

– А это для кого? – подозрительно глядя на Жака, спросил Кобылье, показывая на четвертую миску.

– Ой, обжегся, – промолвил Жак.

– Это мне! – выходя из-за угла строения, объявил Роман.

Друзья онемели.

– Роман?! – неуверенно, медленно поднимаясь, произнес Кобылье.

– Он! Он! – смеется парень.

– Роман? – вскочил и Пожарэн.

После горячих объятий, посыпались расспросы: как ты здесь оказался? Что случилось? Как Буа?

– С Буа все в порядке. Были какие-то людишки. Напали было, да аббат людей собрал и послал на помощь. А оказался я здесь... – Он посмотрел на Жака.

– Да откуда я знал, че они живы. Мы тут сколь сидели, ждали, туды лазили. Тама все засыпано. Ну, думали... все, – оправдывался Жак.

– Не ругай его, – заступился Кобылье, – он не виноват. Мы действительно долго выбирались. Думали, уж и белый свет не увидим. Да вот он, – Кобылье кивнул на Пожарэна, – одну хитрость придумал, она и помогла отыскать правильную дорогу. А вы как добрались? – Кобылье смотрит то на Жака, то на Романа.

– Да ни че, – ответил Жак, – только вот он, – и кивнул на Романа, – с однимдохлым монахом...

– Нельзя так о нем, – перебил его Роман.

– Че случилось? – почти враз Пожарэн и Кобылье задали вопрос.

Пришлось все рассказать, за исключением о найденной чаше. Роман хорошо помнил наставление монаха и считал Жака чужим. Это молчание сберегло чашу. Ибо их подслушивал посланец Вернера. На непонятный мешок, который оставил Роман около времянки, тот почти не обратил внимания. Правда, он заглянул в него. Увидел, как ему показалось, какой-то ржавый сосуд и брезгливо оттолкнул его в сторону.

Утром, когда Пожарэн и Кобылье стали готовиться к очередному спуску, Роман вдруг объявил, что и он пойдет с ними, а Жак немедленно должен уехать в Буа, так как там Бланка осталась одна.

– Как одна, почему одна, а разве не вернулись Изабелла и Роберт.

Ответ ошарашил и Кобылье, и Пожарэна.

– Изабелла до сих пор не вернулась, а Роберта не было совсем. Так че же нам делать? –

Пожарэн посмотрел на Кобылье

Тот только пожал плечами. Вмешался Роман.

– Пущай Жак мчится туда. Все узнает. Если ф что, мы немедля вернемся.

Друзья опять переглянулись.

– А че, это верно! – сказал Кобылье. – Мы за это время окончим осмотр. Если придется ехать в Буа, то после него будем начинать с другого места. Это предложение приняли и Пожарэн, и Кобылье.

Жак быстро оседлал лошадь и ускакал. Когда они остались одни, Роман со смешком спросил:

– А меня возьмете?

– Возьмем! – серьезно ответили они. – Давай собирайся.

– Щас! – и направился к выходу.

Вернулся с мешком в руке.

– Че ето? – брезгливо спросил Пожарэн.

Ибо мешок имел неприглядный вид. Рукой Роман сдвинул на столе миски и поставил на их место мешок.

– Роман, убери это, – жалобным баском попросил Пожарэн.

– Щас! Щас! – смеется тот и торжественно вытащил из мешка чашу, победоносно глядя на друзей, поставил ее на стол.

Взгляды их непонимающие, потому что вид чаши ничего необычного не представлял. Широкая круглая опора переходила в ножку, удобную для руки. И емкость, венчающая ее. Стенки неопределенного цвета: ни желтые, ни зеленые, ни голубые... По всей округленности какие-то загадочные знаки. Видно, что чаша древняя.

– Ну? – спросил Роман.

Это его «ну» ничего им не говорило.

– На рынке, – заметил Пожарэн, – любитель древности может и даст золотой. Мне и за ломаный грош не надо.

Отвернулся от чаши и Кобылье.

– Собирайся! – позвал Романа Пожарэн, выбирая факел.

Подошел за ним и Кобылье.

– Стойте! Друзья! – воскликнул Роман. – Да это то, что вы ищете!

– Это? – с какой-то опаской Пожарэн подошел к ней.

Небо вдруг потемнело, невесь откуда набежала туча, а чаша вспыхнула непонятным огнем и тотчас погасла. Друзья, словно по команде, упали на колени и давай славить Бога и креститься. Туча пробежала, и чаша опять выглядела как прежде.

– Она! Ей-богу, она! – воскликнул Пожарэн. – А мы-то... вот грешные!

– Прости нас, Господи! – подключился к нему Кобылье.

– Это дело так оставить нельзя, надо идти к монаху и отблагодарить его, – предложил Пожарэн.

– Дорогу-то помнишь? – Кобылье повернулся к Роману.

– Вроде помню, – ответил он, – но монах сказал, чтобы я не возвращался. А если, мол, вернусь, все равно дороги не найду.

– Ерунда! – отрезал Пожарэн. – Собирайся и пошли.

И они втроем двинулись к дороге.

– Ой! – воскликнул Кобылье. – А чашу-то оставили! – И он бегом вернулся за ней.

– Да кто тут ее возьмет, – сказал Пожарэн.

– А знаете, когда я подходил к вам, мне показалось, что мелькнул в кустах какой-то человек, – сообщил Роман.

– Показалось, – уверенно решил Пожарэн, – сколько уж мы здесь, и никто не встречался.

Больше никто ничего не сказал и какое-то время шли молча. Дорога сильно обросла с боков кустами, и Пожарэн через некоторое время, обращаясь к Роману, сказал:

– Ты посматривай, чтоб не пройти.

– Смотрю, смотрю, – ответил тот, тщательно вглядываясь в окружающую местность. – Стоп! – крикнул он. – Вот в этой луже я и увидел старца. Вот и наши следы.

Да, место здесь было истоптано, это хорошо было видно.

– Отсюда я повез его в лес.

И они вошли в него. Какое-то время были видны конские следы. Потом они куда-то затерялись. И сколько друзья не бродили, могучего дерева так и не нашли. Попадались подобные, но не оно. Так проискали до сумерек. Пришлось возвращаться назад.

То, что рассказал Роман, встревожило все же его друзей.

– А вдруг кто-то действительно все это время следит за нами и ждет, чтобы потом воспользоваться найденным, – забеспокоился Кобылье.

Пришли они к себе, когда стемнело, и смотреть следы чужака было уже поздно. Оставили это до утра. Теперь вдруг встал вопрос: в таком случае, куда девать чашу? И решили по очереди ее караулить. Бросили жребий. Первым выпало дежурить Кобылье. Он сел в угол. Мешок положил на колени и прикрыл лапами шубейки. Посидел так, посидел и начал ворочаться.

- Ты че спать не даешь, – проворчал Пожарэн.
- Те хорошо! А я тут с этой ношей... куды ее деть?
- К ноге привяжи, – тихонько шепнул тот.

Подсказка понравилась. Кобылье нашел кусок веревки, привязал ее к ноге за угол мешка.

Ночь брала свое. Тем более в усталом теле. Как не старался Кобылье уберечься от сна, он его все равно подкараулил. Разбудил его резкий рывок за ногу. Быстрее молнии в его голове мелькнула догадка: хотят украсть чашу, и он с ревом: «Ааа!» – бросился вперед, подминая под себя мешок. Прямо перед самым носом мелькнула чья-то фигура. Выскочив из временки, она шмыгнула в кусты. Бежать с «гирей» на ноге было бесполезно. Но его крик поднял друзей. Расспросы, что да как, только затянули время. Но они наглядно убедились в том, о чем только днем догадывались: за ними следили. И теперь они, кто они – неизвестно, знают, что чаша у них. Надо срочно уходить. Но тут же появилась дюжина вопросов. Прежде всего: куда идти. В Буа? Но там из защитников одна герцогиня. А вдруг у неизвестного противника хватит сил, чтобы их там осадить и захватить? Еще вопросы: знают те или нет вообще про Буа? Какой дорогой, если надумают идти туда, воспользоваться? А где Роберт и Изабелла? Вопросы, вопросы...

Они проговорили до утра. Когда рассвело, вооружившись, решили осмотреть окружающую местность. То, что они увидели, поразило их. Оказывается, к их стоянке была протоптана целая тропа! Как же они не заметили ее. Вернулись к стоянке, так и ни к чему не придя.

- Надо сообразить еду, – сказал Роман, – тогда легче будет думать.

Он взял лук, стрелы и пошел поохотиться. Идя по дороге, вдруг увидел, как на обочине коза с двумя малюсенькими козлятами щипала траву. Роман поднял было лук и тотчас опустил.

- Ну убью я мать, с кем останутся козлята?!

И хлопнул в ладоши. Козу и козлят только и видел. Он даже рассмеялся, видя, как ловко козлята сиганули за матерью. Пустым не вернулся, принеся не зайца, а зайчину и годовалого олененка. Романа ждали, и все давно было наготове. Зайца – на вертел, козла – в котел.

Когда поели, Пожарэн сказал:

– Друзеки, а уходить надоть. Думаю, все же сыскать надобно монаха. Отблагодарить надоть старца.

- Да не отыщем его, – ответил Роман, – вчера столь лазили, и что?

- Но быть того не может, не волшебник же он, – не согласился Пожарэн.

Его поддержал и Кобылье.

Вернерский слухач, который едва не добыл долгожданную чашу, после своей неудачи, гнал коня день и ночь. Оказавшись в замке, еле волоча ноги от усталости, он просто ввалился в кабинет Вернера, у которого собрались его ближайшие помощники, среди которых был и вернувшийся Руссинген, со словами:

- Они нашли ее. – Слухач упал на пол.

Весь его вид доказывал правоту сказанных слов. Как они его не трясли, чтобы узнать подробности, слухач только мычал в ответ. Но главное было ясно: чаша существует! Стоя над ним, Вернер произнес:

– Очнется он только завтра. Столько времени мы терять не можем. Я думаю, они будут возвращаться, скорее всего, в Буа. Но могут пойти прямо на Париж. Как ты думаешь, Руссинген? – неожиданно спросил у него Вернер.

Этот вопрос застал того врасплох. Да и за время своего длительного отсутствия он как-то отошел от этого дела. Но и показать себя пустоголовым, тоже не хотелось. И он ответил:

- Думаю... они... думаю...

Вернер, не мигая, терпеливо ждет ответа.

– ...думая... вернутся в Буа в надежде встретиться с капитаном. Под его шпагой им будет безопаснее.

– Если там будет десятка два-три его мушкетеров, – съязвил Вернер, – но ты, наверное... прав. Поэтому поступим так, – и ткнул пальцем в грудь Вольфа, – я даю тебе двенадцать рыцарей, ты следуешь в Буа. Придя на место, все разужнай. Если их нет и они не были, терпеливо жди. Кто появится, тихонько хватай.

– А капитана?

– Тем более! Узнаешь, что были, но уехали, узнай – куда. Если не узнаешь, езжай назад. Ты, – Конрад повернулся, к Эренфриду, – поведешь десяток рыцарей на Париж. Если их догонишь, сразу в драку не лезь. Оцени силы. Если не осилишь всех, выслеживай по одному. Ты, – он указал пальцем на Руссингена, – вновь займешься графиней. Она по тебе скучает, – язвит Вернер, – и готовь ее к отъезду.

– В Буа? – вырвалось у того.

– В Буа, ни в Буа, здесь вечно жить не будет, – загадочно ответил Вернер. – С богом! Охота началась.

Глава 11

Весна в этом году запаздывала, радуя этим московского купчину Игнатия Елферьева. Прошлогодня, такая неожиданная поездка в далекую Францию принесла ему немислимый доход. Правда, он скромно помалкивал, а когда кто из его братьев пытал, Игнатий морщил свое мясистое лицо, делал скорбными глазки и говорил упавшим голосом, что почти ничего не заработал. Дорого, мол, нанимать лодии стало. Да и там добра всякого завались. Еле свое сбыл. Ох, хитрил молодой купчина. Хитрил. Не хотел с кем-то делиться. Раз возьмешь одного, на другой – хоть не езжай. С десяток объявятся. Тогда какая там торговлишка будет.

Собирался тихо, исподтишка. Скажи одному, и понесется... До моря не доедешь, обдерут как липку. Зимой еще, когда завывало да снег горстями в лицо летел, умудрился съездить к морю. Нашел прошлогоднего капитана. Узнал он Игнатия сразу. Да кто такую фигуру забудет. Спрашивал и о тех мужиках, которые с ним плыли. Что о них Игнатий знает. Да ничего. Так и ответил. А на предложение Игнатия: вновь сплавать во Францию, охотно согласился. Договорился Игнатий и со складом. И потихоньку начал гнать туда свой товар.

Вот подошел и день отъезда. На улице в нескольких шагах ничего не видать. А ему это и надо. Пора в путь. Присели, по обычаю, на дорожку. Игнатий шевелит губами. Знать, какую-то молитву на дорогу читал. Закончив, поднялся.

– Ну, с богом! – сказал, глядя на образа, Игнатий, осеняя себя крестом.

Молодая жена взвыла.

– Цыц! Ты! – Игнатий грозно прикрикнул на нее. – Че орешь! Не помер! – и, не оглядываясь, вышел, хлопнув дверью.

Но это не остановило ее. Накинув на плечи, что попало под руку, она кинулась за ним. А он уже нырнул в возок. Кучер хлестнул кнутом. Застоявшиеся кони понеслись по заснеженной улице. Жена увидела только темное пятно возка, который выезжал за ворота. Она плюнула на крылец и погрозила ему вслед пальцем:

– Ну смотри!

О чем, интересно, она подумала? Для всех осталось тайной.

Проезжая мимо кремля, ворота которого широко были раскрыты, Игнатий увидел в не успевшие еще застыть окошки светящееся окно княжеских хором.

– Ишь, – машинально отметил про себя купец, – князь, а так рано подымается.

Перед этим днем, когда Игнатий, как тать какая, крался по заснеженным московским улицам, в Суздале к Андрею Константиновичу приехал его младший брат Дмитрий. Хоть и родные они были по крови, но сильно отличались как внешне, так и нравом. Андрей был холенным, полнеющим мужчиной, у которого заметно было брюшко, да и второй подбородок, прятанный в гуще рыжеватой бороды. Взгляд серо-зеленых глаз спокойный, неторопливый. Дмитрий был его противоположностью. Суховатый, чуть сторбленный, взгляд темных глаз быстр, но какой-то воровской. Худое лицо скрашивала чернокудрая, коротко стриженная борода.

Предлогом для приезда был щенок, которого тот привез старшему брату. Оценившаяся сучка была той породы собак, которая без страха шла на волка и одолевала его. Андрей, небольшой любитель охоты, почему-то очень захотел иметь у себя такого пса. Вот младший брат и решил ему угодить. Тем более что у него давно зрело одно желание. Но без Андрея исполнять его он не решался.

Дмитрий нашел брата в светлице, который, сидя в кресле-качалке у чувала, не то дремал, не то читал. Раскрытая книга лежала поверх шерстяного платка грубой вязки, наброшенного на ноги. Желая произвести нежданное впечатление, от дверей он прошел на цыпочках и опустил щенка на пол у ног Андрея.

Щенок был крупным, с толстыми ногами, с широкой мордой, с черными злыми глазками. Все говорило о том, что он пойдет в свою породу. Он первым делом напрудил лужицу. Потом, подойдя к креслу, обнюхал ноги хозяина. Ему что-то не понравилось, и он громко тявкнул, чем до слез рассмешил Дмитрия и пробудил Андрея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.